

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ВЕРНЕРЪ, ИЛИ СЕРДЦЕ И СВѢТЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Карла Гудкова.

Переводъ съ Нѣмецкаго Н. П. М.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Президентъ Баронъ Фонъ Юрданъ.

Генрихъ Фонъ Юрданъ, зять его, усмыслен-
ный нѣтъ.

Юлія, жена Генриха.

Максъ { дѣти ихъ.
Карлъ }

Советники { Мельгузъ.
Фальке.

Ассессоръ Вольфъ.

Докторъ Фельсъ.

Референдарій Фельсъ, сынъ его.

Полицейскій Коммиссаръ Денкверъ.

Помощникъ его.

Марія Винтеръ.

Канцеляристъ Шульцъ.

Жена его.

Конрадъ, слуга Генриха.

Иосифъ, слуга Президента.

Нѣсколько гостей.

Дѣйствіе происходитъ въ главномъ городѣ одного изъ Княжествъ Германіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Простая комната въ домѣ канцеляриста Шульца; фортепіано, на которомъ лежатъ ноты и книги;—стѣнные часы показываютъ три четверти шестаго; на окнѣ стоятъ горшки съ цвѣтами и виситъ птичья клетка. Смеркается.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-жа Шульцъ и Марія Винтеръ сидятъ у окна, первая шьетъ блье, вторая вышиваетъ въ пальцахъ.

Г-жа Шульцъ (сложивъ работу свою, встаетъ).

Ну, теперь и довольно; бросьте вашу работу, мамзель Марикхепъ; вы портите себѣ глаза, а вамъ они нужныѣ чѣмъ кому либо. Господи Боже мой, какъ коротки становятся уже дни! Вотъ недѣль черезъ шесть у насъ и Рождество; теперь-то будетъ.
Кв. XVII — 1

дети у васъ много работы; къ празднику всякому что нибудь нужно... Ну, перестаньте же, довольно!..

Марія (снимаетъ бумагу, которою были покрыты пальцы).

Посмотрите, Мадамъ Шульцъ; какъ нравится вамъ весь узоръ?

Г-жа Шульцъ.

Хорошъ, очень хорошъ! жаль только, что работа эта приносить такъ мало выгодъ... вотъ если бы вамъ побольше уроковъ... шутка ли за часъ восемь грошей! Нынче всѣ хотятъ учиться на фортепьянъ. Право, меня беретъ смѣхъ, когда я подумаю объ этомъ; бывало, на фортепьянъ учились только знатныя дѣвцы, а нынче послѣдняя мѣщанка также хочетъ быть виртуозкой.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Максъ.

Максъ.

Мое почтеніе, Мамзель Виптеръ.

Марія (встаетъ).

Здравствуйте.

Мальчикъ.

Я пришелъ сказать вамъ, чтобъ вы пришли дать сестрѣ моей урокъ, во Французскомъ языкѣ, сегодня, въ шесть часовъ; завтра ей нельзя.

Марія.

Однако же... можетъ быть, мнѣ это не совсѣмъ удобно.

Г-жа Шульцъ (перебивая ее).

Ахъ, Боже мой! да чѣмъ же вы сегодня заняты? вѣдь!.. Кланяйтесь и скажите, что все будетъ такъ, какъ ей угодно.

Мальчикъ.

Хорошо-съ. Прощайте! (уходитъ).

Г-жа Шульцъ (тономъ выговора).

Зачѣмъ вамъ отговариваться, находить препятствія!.. Тотъ кто долженъ кормиться помощью другихъ... (перемѣнивъ вдругъ тонъ) впрочемъ, вы знаете, что отъ васъ однихъ зависить перемѣнить все...

Марія.

Опять старая пѣсня, мадамъ Шульцъ!.. Вы очень хорошо знаете мысли мои объ Ассессорѣ и намѣренія мои на счетъ моей будущности.

Г-жа Шульцъ.

Все это вздоръ, глупости!.. У васъ вѣрно была какая нибудь любовишка на сердцѣ; съ кѣмъ же этого не случилось?.. Но неужели же для этого разстроивать всю вашу будущность?.. Господинъ Ассессоръ Вольфъ! Что за чудесный человекъ!.. Мой старикъ не можетъ нахвалиться имъ; говорить, что онъ пользуется въ Министерствѣ большою силою и поидетъ далеко; къ тому же у него водятся и денежки; право, мнѣ жаль смотрѣть какъ этотъ прекрасный молодой человекъ хлопочетъ, чтобъ угодить вамъ — и все напрасно!.. Видя, что вы не хотите принимать отъ него, онъ старается доставить вамъ работу, уроки... онъ, я думаю, избилъ не одну пару сапоговъ бѣгая для васъ; авы такъ суровы къ нему.

Марія (съ досадою).

Какъ можете вы думать, любезная мадамъ Шульцъ, что намѣренія этого человека честны!

Г-жа Шульцъ (съ удивленіемъ).

Вотъ еще новость!.. вотъ что вы еще выдумали!.. Спросите-ка моего мужа... Каждое утро, когда онъ придетъ въ Канцелярію, Г. Ассессоръ въ ту же минуту къ нему: здравствуйте, Г. Шульцъ!.. Что дѣлаетъ Мамзель Маркхенъ!.. кланяйтесь ей отъ меня... пинче, впрочемъ, я буду вѣтъ удовольствіе видѣть ее!.. Онъ говорить это при всѣхъ, не скрываясь...

Марія.

И всё, слыша это, могут думать обо мнѣ дурно... Наковецъ мнѣ пора сказать вамъ прямо, какъ я смотрю на все это. Прошу васъ, мадамъ Шульцъ, чтобъ преслѣдованія этого человѣка кончились, и объявляю вамъ рѣшительно, что оставляю вашъ домъ, если вы не запретите Ассессору переступить порогъ дверей вашихъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе и Ассессоръ Вольфъ.

Вольфъ (*ласковымъ, вкрадчивымъ тономъ*).

Здравствуйте, сударыня, добрый вечеръ!.

Г-жа Шульцъ.

Сю минуту только быларѣчь о васъ... какъ вы сегодня рано изъ канцеляріи...

Вольфъ.

Нѣтъ, какъ всегда!.. (*къ Маріи*) А вы вѣрно опять все сидѣли за работой, сударыня?..

Г-жа Шульцъ.

Да положите же вашу шляпу, Г-нъ Ассессоръ, садитесь Г. Ассессоръ.

Вольфъ.

Я и такъ спужу цѣлый день (*вынимаетъ изъ шляпы конфеты, завернутые въ бумагу*). Не угодно ли?

Г-жа Шульцъ (*беретъ конфеты съ примѣтными удовольствіемъ*).

Всегда что нибудь сладкое, Г-нъ Ассессоръ!

Вольфъ (*подходитъ къ пальцамъ*).

Скоро уже готово, Боже мой, какое прилежаніе и какая прекрасная работа, какой вкусъ!.. (*подходитъ изъ фортепіано*) Получили ли вы, сударыня, ноты?..

Марія.

Благодарю васъ, Г-нъ Ассессоръ.. Я от-

дала ихъ назадъ тому, кто принесъ ихъ... Я не люблю этотъ новый родъ вальсовъ, Г-жа Шульцъ.

Намъ надобно что нибудь посерьознѣе, Г. Ассессоръ... Какую нибудь симфонію, увертюру...

Вольфъ (*къ Маріи*).

Вы такъ суровы къ тѣмъ ничтожнымъ подаркамъ, которые я осмѣлился предложить вамъ; вы отослали назадъ и мап- тилью...

Г-жа Шульцъ (*смѣясь*).

Да, а знаете ли отчего?

Вольфъ.

Отчего?

Г-жа Шульцъ (*смѣясь*).

Оттого, что въ ней была записка...

Марія (*перебивая ее*).

Я и безъ этого не приняла бы подарка, Г-нъ Ассессоръ. Мы только случайно увидѣли записку, на которой была означена цѣна мап- тильи, и это еще болѣе заставило меня оставить ее.

(*Уходитъ въ комнату, что на правой сторонѣ*).

Вольфъ (*говоритъ ей въ слѣдъ*).

Клянусь вамъ, что это было сдѣлано безъ намѣренія. (*Въ сторону*) Какая прудница!..

Г-жа Шульцъ (*съ доверчивостію*).

Вы должны быть осторожнѣе, Г. Ассессоръ. (*Часы бьютъ шесть, Марія входитъ въ шляпку*).

Вольфъ.

Вы хотите уже оставить насъ, мадамъ Марія.

Марія (*отдавая Г-жѣ Шульцъ ключъ*).

Теперь уже шесть часовъ, любезная мадамъ Шульцъ; вы знаете, что я должна нынче итти дать тотъ урокъ, который былъ назначенъ на завтра. (*Хочетъ итти*.)

Вольфъ.

Вы, конечно, позвольте мнѣ имѣть честь проводить васъ.... теперь уже смеркаетъ.... или не взять ли намъ лучше кареты?....

Марія.

Благодарю васъ, Г. Ассессоръ; я такъ часто хожу по этой дорогѣ, что, конечно, не собьюсь съ нее. (*Отводя Г-жу Шульцъ въ сторону.*) Не забудьте, мадамъ Шульцъ, на какихъ условіяхъ мы можемъ остаться вмѣстѣ съ вами. На дворцы судьба скупа; но есть много убогихъ жилищъ, гдѣ можетъ жить бѣдность и несчастье. (*Поклонясь Ассессору очень сухо, уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вольфъ, Г-жа Шульцъ.

Вольфъ.

Все болѣе и болѣе сурова, болѣе и болѣе горда!... Развѣ вы не успѣли ни сколько убѣдить ее?

Г-жа Шульцъ (*пожимая плечами.*)

Она такая странная дѣвушка! Если бы вы могли только подозрѣвать, Г. Ассессоръ, какое она сію минуту сдѣлала мнѣ предложеніе....

Вольфъ.

Что жъ это такое? Чего она хочетъ?

Г-жа Шульцъ.

Она хочетъ, чтобъ вы прекратили ваши посѣщенія, или она найметъ себѣ квартиру въ другомъ мѣстѣ.

Вольфъ (*въ сторону.*)

Чтобъ достигнуть моей цѣли, я долженъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью. (*Громко.*) Впрочемъ, любезная мадамъ Шульцъ, обдумавъ все хорошенько, я, съ своей стороны, не вижу ни какого неудобства, чтобъ она выѣхала отъ васъ.

Г-жа Шульцъ.

Да я-то вижу въ этомъ большое не-

удобство для себя, Г. Ассессоръ... Ничего такъ трудно найти хорошихъ жильцовъ.

Вольфъ.

На счетъ этого вамъ нечего беззаконяться, милая мадамъ Шульцъ; то что вы потеряете, я... у меня есть въ головѣ кой-какой планъ.... Точно ли вы увѣрены, что мамзель Марихенъ не имѣетъ здѣсь ни какого особеннаго знакомства?

Г-жа Шульцъ.

Вѣдь вы сами это знаете, Г. Ассессоръ. Родители ея были прежде люди очень достаточные и имѣли возможность дать ей прекрасное воспитаніе. Отецъ ея былъ купцомъ, обанкрутился и умеръ съ горя. Мать недолго пережила своего мужа; немного, что осталось послѣ нихъ, было употреблено на лекарства и погребеніе, и Марія осталась совершенно одна.

Вольфъ.

Все это мнѣ извѣстно; но вы какъ-то говорили мнѣ о какомъ-то знакомствѣ....

Г-жа Шульцъ.

Да, я слышала вскользь... Кажется, это былъ какой-то студентъ или докторъ.... не настоящій докторъ.... а какой-то другой докторъ.... вы понимаете меня, Г. Ассессоръ?

Вольфъ.

Не докторъ ли юриспруденціи?

Г-жа Шульцъ.

Да, да, что-то похожее на это. Я никогда не могла узнать объ этомъ подробнѣе.... (*Показываетъ на книги, лежащія на фортепіанѣ.*) Вотъ посмотрите на эти книги, вѣрно это онъ ихъ подарилъ ей, въ нихъ что-то написано.... Посмотрите, здѣсь, кажется, есть даже и его имя. (*Открываетъ одну изъ книгъ.*)

Вольфъ (*читаетъ.*)

«Стансы, элегіи — обожаемой Маріи отъ ея вѣчно вѣрнаго Ген....» рука эта мнѣ что-то знакома!... (*Долго смотритъ*

на почеркъ, и потомъ кладетъ книгу на прежнее мѣсто.)

Г-жа Шульцъ.

Ну, что касается до вѣрности и вѣрности, то, кажется, это были только одни слова. Я очень хорошо вижу, что Марія груститъ и страдаетъ втайнѣ о чемъ-то; мнѣ даже часто случалось видѣть ее въ слезахъ.

Вольфъ.

И неужели вы не могли ничего выведать у ней!...

Г-жа Шульцъ.

Она такъ скрытна; никогда не проболтается!.. Иногда читаетъ она какія-то письма, въ которыхъ почти всѣ слова стерты отъ слезъ. Сонъ ея вообще безпокоенъ, она часто бредитъ такъ, что я бываю принуждена иногда вставать, чтобъ разбудить ее... Случается также, что сидя у окна, она вдругъ вздрогнетъ, когда увидитъ какого нибудь прохожаго.... Вотъ еще недавно перепугала она меня ужасно: рефендарій Фельсъ, проходитъ мимо....

Вольфъ.

Фельсъ?... любезная мадамъ Шульцъ, вотъ что я придумалъ. Я доставлю вамъ жильца, который богатъ и вознаградитъ васъ за ваши убытки, къ тому же я и самъ васъ не оставлю. Что же касается до Маріи, мнѣ хочется помѣстить ее въ такой домъ, гдѣ бы я могъ видѣть ее каждый день и куда она не могла бы запретить мнѣ приходить, когда мнѣ это вздумается. Надѣюсь, что мнѣ удастся устроить все какъ мнѣ хочется; но смотрите, ни слова ей еще объ этомъ....

Г-жа Шульцъ.

Помилуйте, Г. Ассессоръ, за кого же вы меня принимаете?

Вольфъ (въ сторону).

А мнѣ ладно устроить все это такъ, чтобъ она и не подозрѣвала, что я тутъ замѣшанъ. (Громко.) Вы скоро узнаете болѣе объ этомъ, мадамъ Шульцъ.

Г-жа Шульцъ.

А вы уже собираетесь идти, Г. Ассессоръ! (Хочетъ идти.) Ахъ, Г. Ассессоръ, еще одно слово.... (Съ принужденною усмѣшкой и съ некоторою боязнію.) Вообразите: это странная дѣвушка!... думаетъ, будто ваши намѣренія, Г. Ассессоръ, не...

Вольфъ.

Какой вздоръ!... вѣдь.... моя любезная мадамъ Шульцъ!... Прощайте.... (Уходитъ.) Вотъ скоро праздники.... Какой цвѣтъ платья любите вы наибольше, темный или свѣтлый?...

Г-жа Шульцъ (притворяясь будто ей совѣстно).

Ахъ, Г. Ассессоръ.... зачѣмъ это.... я уже старуха....

Вольфъ.

Ну, хорошо, хорошо, мадамъ Шульцъ.... Я постараюсь самъ выбрать и угодить вашему вкусу.... Прощайте, добрый вечеръ....

Г-жа Шульцъ (присѣдая).

Добрый вечеръ, Г. Ассессоръ.... Берегитесь, лѣстница темного крута.... позвольте мнѣ проводить васъ....

Вольфъ (останавливаясь).

Не беспокойтесь, не беспокойтесь.... (Уходитъ).

Г-жа Шульцъ (у двери).

Все таки лучше, если я посвячу вамъ... (Видя, что Вольфъ держитъ дверь наружнѣ и что ей нельзя выйти.) Какой славный человекъ этотъ Г. Ассессоръ; такой добрый, ласковый.... и какъ онъ еще молодъ, всего двадцать шесть лѣтъ... Однако же совѣтъ ужъ стемнѣло.... Мой чижикъ уже задремалъ.... (снимаетъ клятку.) Пойдемъ дружечекъ, я насыплю тебѣ корму.... А право, славный человекъ, Г. Ассессоръ. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Перемѣна.

Богатая гостиная въ домъ Генриха фонъ Йордина. По сторонамъ сцены отворенныя двери. Въ глубинѣ видна галерея, освѣщенная люстрами и канделябрами).

Юлія и докторъ Фельсъ.

Юлія.

Ну, любезный докторъ, что вы скажете теперь; не должны ли вы согласиться, что вы не ошибаетесь.

Докторъ Фельсъ.

Что до меня, я никогда не видалъ его такимъ веселымъ.

Юлія.

Я не спорю объ этомъ. Ужасно было бы если бъ то, что я замѣчала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, бросалось въ глаза съ перваго раза. Нѣтъ, онъ часто бываетъ веселъ и разговорчивъ, но эта веселость смѣняется вдругъ мрачною задумчивостью; онъ погружается въ самого себя, вздрагиваетъ, когда съ нимъ заговорить, и взглядываетъ на меня и на дѣтей такъ печально, такъ странно, что я не знаю куда дѣваться отъ безпокойства и тоски.

Докторъ Фельсъ.

Все это такъ; но мнѣ кажется, что, не смотря на ваше пятнадцатое замужество, вы еще не совсѣмъ постигли характеръ Генриха. Если бъ вы видѣли его прежде, то не стали бы теперь такъ тревожиться. Его возвышенный умъ, его слишкомъ пламенное воображеніе, оригинальность его мѣтній, особенный образъ мыслей, все это давало обращенію его въ обществѣ какую-то странность, такъ, что самые друзья его должны были привыкнуть къ нему, чтобъ понимать его. Скажите, неужели всѣ эти особенности — слѣдствіе его гевія и его мягкаго сердца, ускользнули отъ васъ?

Юлія.

О! что касается до этого, докторъ, то проникательность моя не пзмѣнила мнѣ. Я повѣла Генриха съ перваго раза, когда увидѣла его и сказала самой себѣ: человекъ этотъ не похожъ на тѣхъ людей, которыхъ мы встрѣчаемъ ежедневно въ обществѣ! То, что другимъ казалось въ немъ страшнымъ, для меня служило доказательствомъ возвышенности его ума. Насмѣшки моихъ подругъ надъ тѣмъ, что онъ называли ошибками противу принятыхъ въ обществѣ обычаевъ, переносила я безъ досады, зная, что онъ втайнѣ все таки мнѣ завидовали. Но чѣмъ болѣе я узнавала его, тѣмъ болѣе убѣждалась, что въ немъ есть что-то такое, чего я не могу ни повѣять, ни разгадать. Утромъ, при первомъ привѣтствіи, онъ бываетъ всегда мраченъ, какъ будто какія нибудь тяжкія сновидѣнія тревожили его; вечеромъ, во время прогулокъ, отдѣляется отъ другихъ, выбираетъ самую уединенную тропинку, и бродитъ одинъ, склонивъ на грудь голову. Часто находила я его стоящаго неподвижно подъ какимъ нибудь деревомъ, съ сложенными на грудь руками, съ задумчивымъ мрачнымъ взоромъ.... Ахъ, любезный докторъ, любовь его даритъ меня всѣмъ блаженствомъ рая; онъ боготворитъ дѣтей своихъ; онъ повѣрлетъ мнѣ всѣ свои намѣренія, и, не смотря на это, мнѣ часто кажется будто между мною и имъ лежитъ страшная и неизмѣримая пропасть!

Докторъ Фельсъ.

Чего не придумаете вы, молодые женщины!... и кто угодитъ на васъ?... Онъ, можетъ быть, обдумываетъ какое нибудь важное дѣло; можетъ быть, какія нибудь непріятности по службѣ; въ свѣтъ такъ много завистликовъ и интригъ. Можетъ быть, также и возвращеніе на родину пробуждаетъ въ немъ иногда воспоминанія о прежнихъ временахъ....

Юлія (съ стремительностью).

Не думаете ли вы, что какойнибудь давнишній проступокъ...

Докторъ Фельсъ.

О!

Юлія.

Не тревожатъ ли чтонибудь его совѣсти?

Докторъ Фельсъ.

Успокойтесь, успокойтесь!... На душѣ его пѣтъ ни убійства, ни впы... и какъ можете вы мучить подозрѣніями чело-вѣка, который и безъ того уже дол-женъ сносить дурачества свѣта съ его предразсудкамъ.

Юлія (скоро).

Я никогда не говорила ему объ этомъ ни слова, но вы, докторъ, вы, которому онъ обязанъ своимъ образованіемъ, который послѣ смерти его бѣдныхъ родите-лей замѣнилъ ему отца; вы, для успокоенія моего, должны бы были попытаться проникнуть въ глубину сердца и узнать его тайну...

Докторъ Фельсъ.

Пожалуй, пожалуй, я не прочь отъ это-го. Но послушайте моего совѣта: дѣ-лайте побольше движенія, пейте каждое утро стакава два холодной воды, и будьте увѣрены, что всѣ ваши пустыя опасенія пройдутъ сами собою; все это ничего бо-лѣе, какъ сгущеніе крови. (За кулисами слышенъ шумъ.) Но вотъ гости, кажется, поднялись....

Юлія (уходя на пра-вую сторону).

И такъ, докторъ, я полагаюсь на васъ; не откладывайте этого надолго. (Уходитъ).

Докторъ Фельсъ.

Хорошо, хорошо.... будьте спокойны! (одинъ.) Все это вздоръ, пустое!... Я, правда, также немного сердитъ на него; къ чему ему было лѣзть въ дворяне... но это не перемѣнило его, и если бъ у

него было чтонибудь на сердцѣ, я давно бы зналъ все. (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Баронъ Фреско, Советникъ Фалке, Ротмистръ Раппе, Мельхузъ, Рефе-рендарій Фельсъ, нѣсколько гостей и потомъ Генрихъ Юрданъ (всѣ они выходятъ изъ галереи, съ чашками ко-фе въ рукахъ).

Баронъ Фреско (къ лакею, ко-торый подаетъ ему кофе).

Благодарю; послѣ обѣда я никогда не пью кофе.

Раппе.

А вѣдь кофе способствуетъ варенію желудка, любезный Баронъ.

Баронъ Фреско.

Благодарю Бога, онъ у меня и безъ то-го варитъ прекрасно. А какъ мы славно пообѣдали: какія устрицы, какіе трюфел-ли; какой каплувъ съ шампиніонами... Надобно правду сказать: я никогда не обѣ-даю такъ хорошо, какъ въ этомъ домѣ.

Фалке.

Гдѣ царствуетъ такая свобода, такая непринужденность...

Баронъ Фреско.

Непринужденность!... Да, вы это дока-зали Г. Советникъ. (Грозно). Вы выхва-тили у меня почти съ вилки самый луч-шій кусокъ каплуна!

Фалке.

Мы сочтемся когданибудь въ другой разъ, Г. Баронъ. (Оглядываясь кругомъ). Какъ здѣсь все пово и парядно! Сейчасъ видно, что тутъ живутъ дѣти богатыхъ родителей.

Мельхузъ.

Какое богатое серебро, какая бронза, какъ одѣты люди, все это гораздо мас-

свѣтѣ чѣмъ происхожденіе самого хозяина.

БАРОНЪ ФРЕСКО.

Охота вамъ обращать на это вниманіе! Онъ кормитъ прекрасно, какъ настоящій аристократъ, а это главное.

ФАЛКЕ.

Я отправляюсь домой... не хотите ли мнѣ быть товарищемъ, Г. Баронъ?

БАРОНЪ ФРЕСКО.

Сію минуту.... Кстати, Г. Рефендарій, благодарю васъ, за ваше согласіе быть участникомъ обѣда, который я даю по подпискѣ. Вотъ видите въ чемъ дѣло: ко мнѣ является какой-то человѣкъ и говоритъ, что онъ отличный поварь, не имѣющій теперь мѣста. Чтобъ испытать его талантъ и помочь этому артисту, я рѣшаюсь дать обѣдъ, по три талера съ конверта.... Вотъ списокъ, въ которомъ уже двадцать два человѣка.... Мы поѣдимъ прекрасно!... А что можетъ быть пріятнѣе, какъ хорошо кушать?... По моему, такъ это первое и лучшее наслажденіе.... *(Уходитъ вмигъ съ Фалке).*

ФЕЛЬСЪ.

Благодарю Бога! этотъ песноспый болтунъ убрался накопецъ; остальнымъ также бы пора по домамъ; я съ такимъ нетерпѣніемъ жду минуты, когда мнѣ будетъ можно прижать къ груди своей стариннаго моего друга. Когда мы жили съ нимъ въ Гейдельбергъ, пужаясь часто въ нѣсколькихъ талерахъ, кто бы могъ подумать, что онъ такъ скоро будетъ наслаждаться всѣми дарами богатства и избытка! Но вотъ они расходятся. *(Генрихъ Иорданъ, вошедшій между тѣмъ, раскланивается съ своими гостями и остается наконецъ одинъ съ Фельсомъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГЕНРИХЪ и ФЕЛЬСЪ.

(Генрихъ подходитъ къ Фельсу и дружески пожимаетъ ему руку).

ФЕЛЬСЪ.

Прибавь: вѣрный и неизмѣнный! Ахъ Генрихъ, если бъ ты зналъ, какъ я счастливъ, свидясь опять съ тобою и пайдя тебя въ такомъ блистательномъ положеніи... Ты богатъ, ты перегналъ всѣхъ своихъ товарищей, ты дворянинъ, у тебя добрая жена, прекрасныя дѣти!... Но все это досталось тебѣ по праву; ты всегда былъ первымъ между нами; посмотришь, лѣтъ черезъ пять, ты, пожалуй, будешь и Миппстромъ.

ГЕНРИХЪ.

Не могу жаловаться на службу: до сихъ поръ былъ я въ ней довольно счастливъ. Теперь очередь за тобою; разправь-ка крылья, такъ и ты не останешься позади.

ФЕЛЬСЪ.

И, братъ! гдѣ мнѣ.... Вотъ уже пять лѣтъ все рефендарій!.. Впрочемъ, я мало объ этомъ забочусь; того, что даетъ мнѣ отецъ мой, достаточно для всѣхъ моихъ прихотей. *(Смѣясь).* Послушай, надѣюсь, что ты не сдѣлался важнымъ, неприступнымъ?

ГЕНРИХЪ.

О, конечно нѣтъ; я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о нашемъ студентскомъ времени.

ФЕЛЬСЪ.

Жаль только, что ты мало имъ наслаждался.... не такъ какъ я.... ты всегда бѣгалъ за книгами, я — за женщинами.

ГЕНРИХЪ.

Но вѣрно и тебя накопецъ оковала которая нибудь изъ нихъ?

ФЕЛЬСЪ.

Избави Боже! Конечно, и мнѣ случилось

иногда встрѣчать обворожительныя женскія головки, которыя вотъ такъ и лѣзли въ душу; но я никогда не вздыхалъ по нимъ очень долго. Признаюсь, я до сихъ поръ не понимаю, какъ могутъ иные мужчины имѣть довольно терпѣнія, и по нѣскольку лѣтъ сряду прясть нить любви для того, чтобъ досучивъ ее, надѣть на шею вмѣсто цѣпи. Нѣтъ, у меня совсѣмъ другая метода; я вѣроятно влюблюсь когда нибудь; можетъ быть, даже влюбленъ ужъ и теперь; но если мнѣ прійдетъ глупая мысль заковать себя въ брачныя узы, то не стану страдать и охать, а просто откомандирую батюшку, чтобъ онъ устроилъ все за меня. Повѣрь мнѣ, въ романтизмъ мало толку, и въ свѣтѣ гораздо болѣе такихъ паръ, которыя любятъ другъ друга потому, что они женаты, чѣмъ такихъ, которыя женятся потому, что любятъ другъ друга. *(Оглядываясь, говоритъ въ полголоса)*. Вѣдь у тебя, кажется, также была когда-то романтическая любовишка?

Генрихъ.

Какъ же. Не знаешь ли ты чего нибудь о Марин; гдѣ она, что съ нею?

Фельсъ.

Право, не знаю; старикъ ея, кажется, умеръ.

Генрихъ.

Я также слышалъ это; но они вѣрно оставили ей порядочное состояніе?

Фельсъ.

Кажется нѣтъ... *(Припоминая)*. Нѣтъ... нѣтъ... что бишь такое слышалъ я?

Генрихъ.

Какъ! она въ бѣдности, а я утопаю въ избыткѣ! Ахъ, Фельсъ, ради Бога, отвѣчай мнѣ, не знаешь ли ты чего нибудь вѣрнаго о ней?

Фельсъ.

Вотъ была бы славная штука, если бъ вы какъ нибудь опять встрѣтились. Впрочемъ, слава Богу, что изъ этого ничего не вышло.

Генрихъ *(задумчиво)*.

Я посвятилъ ей лучшіе годы моей юности.

Фельсъ.

Я врагъ всѣхъ этихъ сантиментальностей, и радуюсь душевно, видя какая у тебя теперь прекрасная жена.

Генрихъ.

Да, я совершенно счастливъ. *(Испытующимъ тономъ)*. Она, вѣрно, имѣла случай составить хорошую партію?

Фельсъ *(съ добродушнымъ изумленіемъ)*.

Смотри пожалуй, какъ все это еще интересуетъ тебя!

Генрихъ.

Если я поступилъ благоразумно избравъ себя другой путь, то во мнѣ осталось еще столько уваженія къ самому себѣ, чтобъ не предавать забвенію лучшихъ дней моей юности! Кто знаетъ, что было бы со мною, если бъ святое, благородное чувство, какъ десница ангела, не поддерживала меня на краю пропасти *(мрачно)*, въ которую я въ послѣдствіи погрузился такъ глубоко!

Фельсъ *(шутливымъ тономъ)*.

И въ которой ты лежишь теперь какъ жемчужина на днѣ моря. Признаюсь, я желалъ бы быть на твоемъ мѣстѣ.

Генрихъ.

Ахъ, другъ мой, если бъ ты зналъ, что происходитъ во мнѣ!

Фельсъ *(съ заботливостью подходитъ къ нему)*.

Генрихъ!

Генрихъ.

Если бъ ты зналъ, какія мечты тревожатъ меня!... Но, нѣтъ, это не мечты, это сама дѣйствительность, которая возстаетъ

предо мною съ такою ясностью, что я жажду самозабвенія, и часто боюсь сойти съ ума!

Фельсъ.

Иорданъ, я былъ твоимъ другомъ и останусь имъ всегда; я, кажется, доказалъ, какъ могу любить тебя... Иорданъ! не пьешь ли ты чего въвѣрить мнѣ?

Генрихъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ... Ты знаешь, я мечтатель, я былъ имъ и останусь всегда.

Фельсъ.

На меня можешь ты положиться всегда и во всемъ. (*Съ довѣрчивостью*). Послушай, братъ, я хочу сообщить тебѣ кое-что на счетъ твоихъ здѣшнихъ служебныхъ отношеній. Ты знаешь, я не честолюбивъ, и тотъ кто не поднимаетъ всегда взоровъ своихъ *кверху*, тотъ впадаетъ *рядомъ съ собою* то, что часто ускользаетъ отъ другихъ. Совѣтую тебѣ быть осторожнымъ и беречься Ассессора Вольфа. Этотъ человекъ и въ университетѣ былъ уже пзвѣстенъ, какъ проныра и негодяй. Онъ старался дружить съ нами, чтобъ вывѣдать наши тайны; часто попадался вмѣстѣ съ другими, но всегда выходилъ сухъ изъ воды. Теперь ты знаешь, каковъ этотъ молодецъ! Онъ живетъ здѣсь, падъ тобою, онъ самый ближній твой сосѣдъ, и потому я предостерегаю тебя болѣе всего отъ него. Ну, теперь прощай, другъ! (*Съ усмѣшкой*). Кстати... знаешь ли что? у тебя чудесное вино: сейчасъ видно, что твой тостюшка пмѣтеть помѣстья па Рейнѣ (*Обнимаетъ его*). Прощай, однако жъ! (*Смотритъ на его перстень*). Это, конечно, твой новый гербъ?... Прежде печатью твоею было пылающее сердце, пронзенное стрѣлами, теперь лпнн въ голубомъ полѣ, усѣянномъ звѣздами, рыцарскій шлемъ и шпоры. (*Съ сердечнымъ увлеченіемъ*). Генрихъ, не смотря

на эту перемѣну, мы останемся друзьями на вѣки!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Иорданъ, потомъ Максъ, Карлъ и Юлія.

Иорданъ (*погруженный въ задумчивость, садится къ столу*).

Рано, слишкомъ рано овладѣлъ ты моимъ сердцемъ, демонъ честолюбія! Ты ослѣпилъ глаза мои и скрылъ отъ меня великость жертвы, которую я принесть на алтарь твой!.. Теперь, блескъ окружающаго богатства меня не радуетъ уже болѣе, жажда почестей не томитъ души моей, и я ужасаюсь тѣхъ воспоминаній, которыя воскресаютъ во мнѣ, и, какъ привидѣнія, носятся предо мною!... Забвеніе! забвеніе!... нѣкогда ты было такъ легко для меня, а теперь... теперь, выпивъ даже всю воду Леты, я не могъ бы найти тебя! (*Закрываетъ лице руками и нѣсколько времени остается въ этомъ положеніи, потомъ начинаетъ прислушиваться*). Это голосъ моихъ дѣтей! Моей доброй жены!.. О! какъ сладостно дѣйствуютъ эти звуки на растерзанную душу!... Боже! къ тебѣ взываю, испосли мнѣ мврѣ и спокойствіе!

(*Юлія съ Максомъ и Карломъ*.)

Максъ.

Вотъ папенька!

Генрихъ (*въ сильномъ волненіи беретъ дѣтей на руки и целуетъ ихъ*).

Дѣти мои! Максъ, Карлъ!

Юлія (*ласково*).

Они пришли проститься съ тобою и пожелать тебѣ доброй ночи.

Генрихъ.

Юлія, добрая моя Юлія! Я вашъ, вашъ

навсегда!... Вы звѣзды моей жизни, вы для меня геніи мира и любви!...

Юлія (*съ изумленіемъ*).

Георгиъ, что съ тобой?

Георгиъ (*внѣ себя*).

Не спрашивай, не спрашивай меня! Загадка должна разрѣшиться сама собою. Зачѣмъ говорить о борьбѣ тому (*обнимал Юлію*) кто держитъ въ рукахъ своихъ побѣду!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Георгіа съ тремя дверьми. Письменный столъ, на которомъ въ безпорядкѣ разбросаны бумаги и книги. Рядомъ съ чернилицею стоитъ шитая шелками картина, изображающая птицъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вольфъ и Юлія.

Вольфъ.

Эта молодая женщина была мнѣ рекомендована съ самой отличной стороны. Отецъ ея былъ очень достаточный купецъ, и далъ ей прекрасное воспитаніе. Въ домѣ, гдѣ я имѣлъ случай встрѣтить ее однажды, говорили мнѣ, что она права самаго тихаго, и имѣетъ всѣ качества, необходимыя для хорошей наставницы...

Юлія.

Что нынче очень рѣдко; мнѣ случалось видѣть во многихъ домахъ такихъ гувернантокъ, которыя могутъ принести дѣтямъ болѣе вреда, нежели пользы; какъ же не цѣнить послѣ того хорошей и образованной наставницы. У насъ будетъ она какъ въ родительскомъ домѣ, и если ея дѣйствительно украшаютъ всѣ тѣ достоинства, о которыхъ вы говорите....

Вольфъ.

Я передалъ вамъ только то, что слышалъ...

Юлія.

Я буду любить ее какъ сестру; у меня

давно не доставало подруги, которая могла бы раздѣлять со мною домашнія хлопоты и заботы.

Вольфъ.

Я уже и теперь радуюсь тому, какъ много успѣють съ нею ваши малютки.

Юлія.

Я буду умѣть оцѣнить познанія этой молодой дамы; по повторяю вамъ, что для меня всего важнѣе ея нравственныя качества. И такъ, благодарю васъ еще разъ, любезный Ассессоръ, и прошу доставлять намъ чаще удовольствіе видѣть васъ. Мы такіе близкіе сосѣди, и я слышала, что вы почти всѣ вечера проводите не дома... Удѣлите нашей бесѣдѣ нѣкоторые изъ нихъ, и мы будемъ вамъ очень благодарны.

Вольфъ.

Не премину воспользоваться такимъ пріятнымъ для меня приглашеніемъ. (*Целуетъ у нее руку.*) До сихъ поръ я не встрѣчалъ еще дома, въ которомъ бы проводилъ время съ такимъ удовольствіемъ, какъ у васъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Юлія, потомъ Генрихъ.

Юлія.

Я думаю, что и Генрихъ будетъ доволенъ такою гувернанткою. (*Подходитъ къ письменному столу.*) Въ какомъ здѣсь все безпорядкѣ? Прежде этого не было за нимъ; каждая вещь имѣла свое мѣсто; а теперь онъ вѣрно даже не замѣтитъ, если я приведу все въ порядокъ! (*Беретъ книжку и раскрываетъ ее.*) «Мой дневникъ, начатый...» Прошу покорно, онъ завелъ себѣ дневникъ!.. Прежде говаривалъ онъ мнѣ, что я буду его памятью, что ввѣряя мнѣ все, онъ въ годы старости будетъ обращаться ко мнѣ, если захочетъ что нибудь припомнить изъ минувшаго! Сегодня возвратился онъ изъ поѣздки по должности встревоженный и задумчивый... Ахъ! если бъ только добрый докторъ могъ поскорѣе успокоить меня и узнать то, что я поручила ему. (*Смотритъ на вышитые цвѣты.*) Цвѣты эти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе блѣднѣютъ... Онъ никогда не запрашивалъ передо мною, что это шитье было подарено ему какою-то дѣвучкой, въ которую онъ когда-то былъ влюбленъ. Я смѣялась надъ этимъ (*съ горькою улыбкой*), потому что какая жена можетъ похвалиться, что она была предметомъ первой страсти своего мужа? (*Смотритъ на шитье.*) Эти пышныя розы и пезабудки поблекли теперь; кто знаетъ, не поблекнетъ ли когда нибудь также и любовь его ко мнѣ!..

(*Генрихъ входитъ.*)

Милый Генрихъ, полагая, что ты не будешь недоволенъ мною, я поручила Ассесору Вольфу одно весьма важное дѣло.

Генрихъ (*разсыянно*).

На счетъ чего?

Юлія.

На счетъ того, о чемъ мы уже прежде говорили съ тобою. Вольфъ рекомендуетъ намъ гувернантку для дѣтей...

Генрихъ.

Ахъ, да!.. Ты знаешь, милая Юлія, что въ этомъ дѣлѣ я совершенно ввѣрился тебѣ....

Юлія.

Докторъ Фельсъ, проѣзжая мимо, приказалъ сказать тебѣ, что ему надобно переговорить съ тобою.... Вѣдь ты остаешься дома?

Генрихъ.

Да, я нигуда не собираюсь.

Юлія.

Мнѣ надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ; если эта молодая дѣвучка придетъ прежде, чѣмъ я возвращусь, то прими ее, только поласковѣе.

Генрихъ (*съ усмѣшкой*).

Развѣ ты замѣтила, что я невѣжливъ съ дамами?

Юлія.

Нѣтъ, ты мой добрый, милый Генрихъ!.. А писалъ ли ты къ батюшкѣ?... Не откладывай этого, прошу тебя, а не то онъ будетъ здѣсь прежде, чѣмъ получить извѣстіе, что мы пріѣхали.... Старикъ строгъ, у него другія понятія о жизни, чѣмъ у тебѣ; но онъ искренно любитъ тебя, своего сына.... Прощай же, другъ мой; займись съ докторомъ и съ воспитательницею дѣтей твоихъ! Она гораздо ученѣе, чѣмъ твоя Юлія, которая за домашними хлопотами никакъ не можетъ найти время прочесть тѣ книги, которыя ты рекомендовалъ ей. Но потерпи Генрихъ, теперь наступаютъ длинныя вечера; мы будемъ собираться всѣ вмѣстѣ вокругъ камина, и тамъ, читая твоихъ любимыхъ поэтовъ, ты станешь указывать мнѣ на красоты ихъ, ты освоишь меня съ ихъ геніемъ, и я буду въ состояніи понять и оцѣнить ихъ.... Прощай, мой милый, мой несравненный Генрихъ! (*Цѣлуетъ его и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

ГЕНРИХЪ, а потомъ Конрадъ и докторъ Фельсъ.

ГЕНРИХЪ (*одинъ*).

Бѣдная женщина! она не подозреваетъ моихъ мученій!... Эти письма къ отцу ея! эти вѣчныя увѣренія въ любви и благодарности къ человѣку, закоснѣлому въ своихъ предразсудкахъ! О! какъ тягостно, какъ неспосно все это!... Глупецъ, глупецъ! какъ могъ я прибѣгнуть къ содѣйствию такихъ людей, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ. Я, который имѣлъ въ себѣ самомъ довольно силы быть творцемъ собственной судьбы своей! И вотъ, нять лѣтъ уже влечу я на себѣ бремя счастья, котораго добивался такъ безумно, счастья, которое лишаетъ меня теперь покоя!...

Конрадъ (*растворяя дверь*).

Докторъ Фельсъ.

ГЕНРИХЪ (*съ примѣт-
нымъ удоволь-
ствіемъ*).

Проси, проси его!

Докторъ Фельсъ.

Доброе утро, любезный Иорданъ; ты нынче не въ должности?

ГЕНРИХЪ.

Здравствуйте, любезный докторъ; я былъ нѣсколько дней въ отлучкѣ по казенному порученію, и думаю, что нынче нѣтъ присутствія...

Докторъ Фельсъ.

Какъ нѣтъ?... вѣдь сегодня вторникъ!

ГЕНРИХЪ.

Въ самомъ дѣлѣ... Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ бѣды; мое отсутствіе не помѣшаетъ дѣламъ идти какъ всегда, и не остановить хода государственной машины.

Докторъ Фельсъ.

Все такъ; но я думалъ, что Генрихъ фонъ Иорданъ заслужилъ себѣ имя человѣка аккуратнаго и прилежнаго...

ГЕНРИХЪ.

Не думайте этого, любезный докторъ; я не рожденъ для такой однообразной дѣятельности; моей, довольно быстрой по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, карьерѣ, обязавъ я президенту, тестю моему и брату его, министру; собственно моихъ заслугъ тутъ не было; я больше ничего, какъ презрѣнное созданіе моихъ покровителей.

Докторъ Фельсъ.

Что ты, Генрихъ, Богъ съ тобой! (*Кладетъ свою шляпу и трость, и беретъ стулъ*). Можно ли имѣть такія вздорныя мысли?... Ты, кажется, становишься похопдрникомъ.... Поди-ка, сядь сюда, дай мнѣ потолковать съ тобою.

ГЕНРИХЪ (*беретъ стулъ и говоритъ съ колкою усмѣшкой*).

Ужъ не наговорили ли вамъ чего нибудь на меня?

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ; я самъ замѣтилъ. Еще недавно, какъ-то за обѣдомъ, былъ я чрезвычайно удивленъ.... тобою.... Эта грустная улыбка, которая такъ часто появляется на лицѣ твоёмъ, эта необыкновенная разсѣянность.... Скажи мнѣ, Генрихъ, что дѣлается съ тобою?...

ГЕНРИХЪ.

Развѣ во мнѣ замѣтно что нибудь особенное? Развѣ я не таковъ, какимъ вы всегда меня знали?

Докторъ Фельсъ.

Мнѣ жаль твоей жены; она не спускала съ тебя глазъ.... скажи, нѣтъ ли у тебя какого нибудь домашняго горя?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ.

Докторъ Фельсъ (*въ полголоса*).

Не случилось ли у тебя чего нибудь по службѣ?

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, докторъ.

Докторъ Фельсъ.

Генрихъ, ты огорчашь меня такими холодными, отъвыстыми отвѣтами... Я думалъ, что имѣю право на твою довѣренность; прежде ты ничего не скрывала отъ меня.

Генрихъ.

Добрый, почтенный другъ мой, вы судите обо мнѣ попрежнему. Съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ на Рейнѣ, когда я промѣнялъ скромную будущность ученаго на государственную службу, когда, съ угодною моему гордому тестю, отказался отъ незнатнаго, но честнаго имени моихъ родителей, и вмѣсто Вернера сталъ называться Барономъ Юрданомъ, съ тѣхъ поръ многое, многое переменялось во мнѣ.

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ, все это случайности, которыя не могли подѣйствовать на тебя такъ сильно; нѣтъ, тебя гнететъ чтонибудь другое. *(Генрихъ, погруженный съ задумчивостью, не отвѣчаетъ)*. Ты молчишь, Генрихъ; ахъ, вырази мнѣ свое горе, будь откровененъ со мною.

Генрихъ *(встаетъ и въ сильномъ волненіи ходитъ по сценѣ)*.

Да, да, есть еще что-то... Я долженъ наконецъ облегчить грудь мою; долженъ высказать въ словахъ то, что внутренно томитъ меня, и что приведетъ меня къ отчаянію, если буду молчать долѣе.

Докторъ Фельсъ *(встаетъ)*.

Сдѣлай это, Генрихъ, сдѣлай это! Часто одно сознаніе въ болѣзнь ведетъ уже къ исцѣленію.

Генрихъ *(обнималъ его)*.

Да, я все скажу вамъ; вы будете моимъ повѣреннымъ. Отецъ моего единственнаго друга, человѣкъ съ такими чувствами, съ такимъ сердцемъ какъ вы, пойметъ и не осудитъ меня! *(Послѣ ми-*

путнаго молчанія садится рядомъ съ докторомъ).

Докторъ Фельсъ.

Ну, Генрихъ, я слушаю тебя.

Генрихъ.

Докторъ, у меня былъ другъ, котораго характеръ, свойства и образъ мыслей были совершенно сходны съ мопси. Едва достигнувъ пятнадцатилѣтняго возраста, познакомился опъ съ одною молодою дѣвушкой изъ честнаго семейства, которой было тогда только пятнадцать лѣтъ. Она не могла назваться совершенною красавицей, но отличалась какою-то особенною, ей одной свойственною прелестью, которая придавала ей взору, ея улыбкѣ, всему существу ея очарованіе невыразимое. Увидѣть ее и не полюбить было невозможно; но другъ мой не хотѣлъ встревожить признаніемъ своимъ ея невинной, безпечной юности, и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ почти ежедневнаго посѣщенія ея родителей, и одобренный ихъ ласковымъ приѣмомъ, рѣшился онъ высказать свои чувства. Другъ мой скоро сдѣлался божествомъ этой дѣвушки; въ немъ заключалось для нее все: мѣръ, природа, счастье, жизнь... Если бъ она потеряла его, съ нимъ поггло бы для нее созваніе собственнаго ея существованія, поггло бы все. И она потеряла его! *(Молчаніе)*. Другъ мой былъ, какъ говоритъ, безпокойная голова; мучимый честолюбіемъ, опъ жаждалъ возвыситься надъ толпою, и чтобъ дать пищу своему слѣшкомъ пылкому уму, предпринималъ, безъ всякаго плана, разныя путешествія. Увлечшись духомъ пылшаго вѣка, для котораго деньги составляютъ все, другъ мой также хотѣлъ, во что бы то ни стало, сдѣлаться богатымъ. Въ одно изъ своихъ путешествій пріѣхалъ опъ на Рейнъ, гдѣ я познакомился съ нимъ. Нѣкоторыя изъ его предпріятій приняла въ то время довольно счастливое направленіе, и обѣщали самый блистательный успѣхъ. Всѣ об-

ратили на него вниманіе, добивались чести его знакомства, и предсказывали ему блестящую будущность. Такимъ образомъ познакомился онъ съ одною молодою, любовною дѣвушкою, которая имѣла неосторожность высказать ему ту пламенную страсть, которой онъ сдѣлался предметомъ. Знатное происхожденіе этой дѣвушки, богатство ея родителей, а болѣе всего истинная любовь ея, до того льстили его суетности, что онъ забылъ первую любовь свою и, ослѣпленный блескомъ пастоящаго, связалъ себя новыми, вѣчными узамп.

Докторъ Фельсъ.

Ты возбуждаешь все мое любопытство, Генрихъ.

Генрихъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, другъ мой, казалось, наслаждался совершеннымъ счастьемъ въ новомъ своемъ быту. На него посыпались чины и отличія; жена его, прекрасное, милое созданіе, любила его пламенно; наконецъ, дѣти увеличили собою кругъ его семейнаго благополучія; онъ, казалось, обладалъ всѣми земными благами, но втайнѣ голосъ немолчаливой совѣсти начиналъ уже тревожить его. Воспоминаніе, которое онъ хотѣлъ умертвить въ душѣ своей, всегда пробуждается въ ней, и очаровательный призракъ носится ежеминутно предъ его глазами...

Докторъ Фельсъ (въ сторону).

Что съ нимъ?..

Генрихъ (съ возрастающими жаромъ).

Онъ видитъ покинутую, оставленную имъ дѣвушку въ слезахъ и отчаяніи, и слезы эти, какъ горячая лава, падаютъ на его сердце. Онъ видитъ ея кроткій, ангельскій образъ, и переносится къ тому блаженному времени, когда, полный страсти и обожанія, сидѣлъ онъ у ногъ ея, прислушиваясь къ звукамъ ея голоса, отъ

котораго трепетали всѣ нѣбры его сердца!

Докторъ Фельсъ (въ сторону).

Онъ пугаетъ меня!..

Генрихъ (съ грустною задумчивостью).

О! тогда глаза его часто наполняются тяжкими, жгучими слезами; по свѣтъ не долженъ видѣть этихъ слезъ, онъ сталъ бы смѣяться надъ нимъ, онъ осудилъ бы ихъ, и въ то время, когда сердце мое готово разорваться на части отъ тоски и грусти, я дожепъ казаться веселымъ, довольнымъ, счастливымъ...

Докторъ Фельсъ (съ изумленіемъ).

Ты?

Генрихъ (опомнясь).

Другъ мой счеи несчастливъ!.. Бѣдный мечтатель, онъ давно уже простился съ спокойствіемъ!.. Даже самый сонъ не приносить ему забвенія... (торжественно) Едва сомкнутся глаза его, какъ минувшее воскресаетъ передъ нимъ; онъ не можетъ вырваться изъ того волшебнаго круга, въ который прежняя, кверлая любовь заключаетъ его... Вотъ, вотъ она, та маленькая комнатка Маріи, гдѣ я былъ такъ счастливъ; вотъ цвѣты, за которыми она такъ ухаживала; вотъ тѣ картинки, которыя она рисовала и которыя я самъ оклеивалъ для нее въ золотыя рамки; вотъ она сама, моя Марія; вотъ ея густые, черные локоны, которые я цѣловалъ украдкой...

Докторъ Фельсъ (вскочивъ со стула).

Ты, Генрихъ!..

Генрихъ (внѣ себя).

Да, я, я самъ!.. Пусть свѣтъ, пусть всѣ осудятъ меня; но я не могу освободиться отъ этихъ воспоминаній; не могу забыть минувшаго! Оно было такъ прекрасно, такъ очаровательно; я не могу

вырвать изъ сердца память о счастливыхъ годахъ моей юности; не могу, это выше силъ моихъ! *(бросается на грудь доктора)*.

Докторъ Фельсъ.

Ради Бога, успокойся, Генрихъ; прійди въ себя!.. ты пугаешь меня!.. вооружись мужествомъ; выкинь изъ головы всѣ эти пустыя мечты!..

Генрихъ *(съ отчаяніемъ)*.

Не могу; всѣ усилія мои напрасны. Три года уже терзаютъ меня эти воспоминанія; тѣмъ болѣе я борюсь съ ними, тѣмъ болѣе преслѣдуютъ онѣ меня!

Докторъ Фельсъ.

Никогда не повѣрилъ бы я, чтобъ мечтательность и воображеніе могли взять надъ тобою такую власть. Предайся совершенно настоящему, и ты забудешь то, что было въ минувшемъ.

Генрихъ.

Я часто это пробовалъ, по напрасно!

Докторъ Фельсъ.

Я уже и прежде слышалъ кое-что о твоихъ сердечныхъ отношеніяхъ; но тогда ты секретничалъ. Неужели ты до того связалъ себя съ этою дѣвушкой, что можешь упрекать себя въ вѣроломствѣ?

Генрихъ.

Я помѣнялся съ нею кольцомъ; мы были обручены!

Докторъ Фельсъ.

Обручены! какъ же могъ ты послѣ этого покинуть ее?

Генрихъ.

Не знаю, что сдѣлалось со мною; жажда почестей и богатства увлекла меня; честолюбіе помрачило разсудокъ, и я бросился безсознательно въ вихрь свѣта! — Теперь минутное помѣшательство это миновалось, глаза мои прозрѣли, я увидѣлъ ничтожность всѣхъ благъ, которыхъ добивался, и понялъ, что былъ губителемъ собственнаго своего счастья.

Докторъ Фельсъ.

Но развѣ у тебя нѣтъ жены, которая тебя любитъ и достойна любви твоей?

Генрихъ *(нѣжно)*.

Да, она мать моихъ дѣтей!

Докторъ Фельсъ.

Она для тебя болѣе, Генрихъ, она другъ твоя.

Генрихъ.

Знаю, докторъ, знаю, и никогда не огорчу ее!

Докторъ Фельсъ.

Но грусть твоя дѣлаетъ ее несчастливою; Генрихъ, ты обязанъ, ты долженъ беречь ее.

Генрихъ.

О, будьте увѣрены, докторъ, я умѣю цѣнить ее, и повторяю, что счастье и спокойствіе ея дороги мнѣ. Но мнѣ было такъ отрадно излить мое сердце въ сердце друга; мнѣ теперь такъ легко, такъ легко, докторъ...

Докторъ Фельсъ.

И повѣрь мнѣ, что это есть уже начало твоего исцѣленія. Только въ романахъ пишутъ о вѣчности первой любви; но въ нашей дѣйствительной, прозаической жизни, она проходитъ также скоро, какъ и всѣ другія впечатлѣнія. Мы видимъ это всякій день. Теперь, когда ты облегчилъ свое сердце довѣренностью, поди къ женѣ своей, и приласкай ее, бѣдную...

Генрихъ.

Не поручила ли она вамъ поговорить со мною?

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, она только жадалась на твою задумчивость... *(весело)* Ну, полно объ этомъ, Генрихъ; не оставайся одинъ, дѣлай побольше движенія; все это ничто иное, какъ взлѣзшая мечтательность, слѣдствіе полнокровія. И стоитъ ли думать объ этомъ: что прошло, то прошло!.. Продай, Генрихъ, завтра надѣюсь найти тебя въ лучшемъ расположеніи духа *(ухо-*

да) оставь мертвыхъ въ покоѣ, и помни слова Шиллера: только живые правы!
(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Генрихъ, потомъ Конрадъ.

Генрихъ.

Да, я хочу попытаться еще... быть можетъ, мучительныя мысли покинуть меня наконецъ... теперь мнѣ стало какъ-то легче, когда я высказалъ свое горе. Оно терзало меня такъ ужасно потому, что я долженъ былъ танть его въ глубинѣ души моей. Теперь я дышу свободнѣе. Да, докторъ правъ, все это только избытокъ мечтательности, я долженъ побѣдить ее, Богъ поможетъ мнѣ.. Одно только могло бы опять возвратитъ мнѣ всѣ мои мученія—встрѣча съ нею!.. Часто, однако же, думаю я, что если бъ это случилось, я подошелъ бы къ ней спокойно, прикалъ бы руку ея къ моему сердцу, подвелъ бы ее къ Юли, и сказалъ: заключимъ между собою вѣчный союзъ и будемъ друзьями; свѣтъ сталъ бы смѣяться надъ этимъ; но сонмъ ангеловъ порадовался бы такой святой, чистой дружбѣ!

Конрадъ (за кулисами).

Прошу обождать, я сію минуту доложу о васъ. (Входитъ.) Вы дома, Г. Баронъ, вы не ходили къ должности, а вѣдь нынѣ присутственный день!... Тамъ пришла молодая дама...

Генрихъ (беря бумагу).

Кто?

Конрадъ.

Новая гувернантка; она жаждетъ представиться вамъ.

Генрихъ.

Ахъ, Боже мой, къ чему это?

Конрадъ.

Дѣти видѣли уже, ее и очень полюбили... Прикажете ей прийти въ другой разъ?

Генрихъ.

Я занятъ и какъ-то не расположенъ говорить. Впрочемъ, позови ее.

Конрадъ.

Пожалуйте сюда, Г. Баронъ проситъ васъ. (Впускаетъ Марію и самъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Генрихъ сидитъ у письменнаго стола и перебираетъ бумаги, Марія тихо приближается къ аванс-сценѣ, потомъ

Конрадъ.

Генрихъ (не оглядываясь).

Я сію минуту къ вашимъ услугамъ.

Марія (въ сторону).

Боже! какой голосъ!

Генрихъ.

Только одну бумагу... нужны дѣла...

Марія (въ сильномъ волненіи и устремивъ глаза на рамку съ шитьемъ).

Гдѣ я?... Что со мною?... Что вижу я тамъ?... Букетъ этотъ какъ-то знакомъ мнѣ..

Генрихъ.

Вы, какъ я слышалъ, хорошая музыкантша.... знаете языки....

Марія.

Всемогущій Боже! это Генрихъ!... (Хочетъ бѣжать.)

Генрихъ.

Вотъ я и кончилъ. (Встаетъ и съ вѣжливостію обращается къ Маріи) Извините меня, сударыня. (Узнаетъ Марію и въ сильномъ волненіи восклицаетъ.) Марія! (Какъ будто уничтоженный.) Такъ вотъ какъ свидѣлись мы опять! (Марія хочетъ удалиться, Генрихъ беретъ ее за руку и останавливаетъ.) Остань-

ся Марія!... *(Долго смотритъ на нее.)*
Вотъ какъ свидѣлись мы опять!

МАРІЯ *(стараясь скрыть свое волненіе)*.

Г. Баронъ... я не знала, не могла поздрѣвать... чтобъ это мѣсто гувернантъ...

ГЕНРИХЪ.

О! эти звуки, эти звуки, какъ сладко раздаются они въ груди моей...

МАРІЯ *(дѣлаетъ усиліе, чтобъ уйти отъ него)*.

Г. Баронъ! при такихъ обстоятельствахъ... я не могу... я не должна...

ГЕНРИХЪ *(нѣжно)*.

Останься, Марія! Само небо привело тебя сюда!

МАРІЯ.

Умоляю васъ!... Ваши обязанности... ваша супруга. *(Генрихъ заграждаетъ ей дорогу.)* Пустите меня, Г. Баронъ, пустите!...

ГЕНРИХЪ.

Г. Баронъ! О! какъ все измѣнилось!...

МАРІЯ.

И потому-то я не могу, не должна оставаться въ вашемъ домѣ.

ГЕНРИХЪ *(съ рѣшительностью)*.

Не должна?... это мое дѣло!... Ахъ, Марія, зачѣмъ хочешь ты бѣжать отъ меня?... *(Смотритъ на нее и потомъ потупляетъ глаза.)* Что же молчишь ты? Уничтожь меня своими упреками!

МАРІЯ.

Не ожидайте ихъ отъ меня, они не искупили бы моихъ страданій... теперь, теперь все кончено!... *(вырываясь отъ него.)* Пустите меня, я прощаю вамъ все.

ГЕНРИХЪ.

Но я не прощаю самого себя... Останься, Марія, останься до тѣхъ поръ, пока я не устрою твоей будущности.

МАРІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

ГЕНРИХЪ.

Родители твои умерли; ты осталась въ бѣдности, въ несчастіи, и всему виноватъ я!... Я клялся твоей матери никогда не покидать тебя и — неблагодарный, я покинулъ, бросилъ тебя!

МАРІЯ.

Что дѣлать; вѣрно такъ было угодно судьбѣ: я не рошу на нее... Но, ради Бога, пустите меня...

ГЕНРИХЪ *(удерживая ее)*.

Марія, если ты цѣнишь во что нибудь счастье жены моей, если хочешь сохранить дѣтямъ моимъ отца ихъ — останься.

МАРІЯ.

Генрихъ... успокойся, прійди въ себя!

ГЕНРИХЪ.

Это неожиданное свиданіе сразило, уничтожило меня, и только одна мысль, что жена моя будетъ твоимъ другомъ, можетъ нѣсколько успокоить меня.

КОНГАДЪ *(входитъ)*.

Г-жа Баронесса изволила пріѣхать и ожидаетъ васъ къ себѣ.

МАРІЯ.

Правосудный Боже! теперь, послѣ такого открытія!...

ГЕНРИХЪ.

Я слышу ее... поди къ пей, Марія, она добра и благородна; она приметъ тебя радушно; вы полюбите другъ друга... Поди, Марія, она могла бы прійти сюда, и увидѣла бы мое волненіе... Ты пойдемъ, Марія? *(Смотритъ на нее съ нѣжностью.)* Марія! моя первая любовь!...

МАРІЯ *(увлеченная чувствомъ, говоритъ со слезами)*.

Генрихъ! *(Опомнясь.)* Иду; но не надѣйтесь, чтобъ я осталась здѣсь. Я пріучила уже себя къ мысли считать васъ какъ бы мертвымъ, и беречь воспомнаніе о любви нашей, какъ берегутъ цвѣты,

украшающіе могли друга. (*Уходитъ тихо.*)

ГЕНРИХЪ (*смотритъ въ слѣдъ ей*).

И вотъ женщина, которая могла быть моею! Безумецъ! безумецъ! какихъ мученій избѣгуль бы я, если бъ остался въ-рениъ своимъ клятвамъ!... (*Прислушивается.*) Теперь онъ вмѣстѣ, теперь должна рѣшиться судьба всей моей жизни!... О! какъ холодно, какъ важно говорить она съ нею!... Неужели и сердца самыя благородныя не могутъ найти тотчасъ тона, которымъ они должны говорить несчастію!... Она спрашиваетъ о ея познаніяхъ, испытываетъ ее.... Вотъ, вотъ она требуетъ, чтобъ Марія съѣла за фортепіаны. (*За кулисами раздаются нѣжные, грустные аккорды, которые скоро переходятъ въ громкіе, бурные пассажи*) О Боже! какія мученія должны терзать тебя, бѣдная страдалица!... Какіе дикіе, бурные звуки!... въ нихъ изливается вся душа ея; она бессознательно выражаетъ то,

чѣмъ преисполнено ея сердце!... отъ все громче и громче становятся ея аккорды.... (*Музыка вдругъ умолкаетъ.*) Что это?... порвалась струна.. О, Боже! что со мною?.. холодная дрожь обдаетъ меня.... по она все еще остается тамъ.... (*хочетъ устремиться къ двери.*) Куда, безумецъ? Что хочешь ты дѣлать? О, какое мученіе! Здѣсь долгъ, тамъ клятвы! (*Задумывается.*) Это неожиданное свиданіе!... Память минувшаго.... первая любовь.... все это снова взволновало меня!... О, сердце! сердце! Зачѣмъ бьешься ты такъ сильно въ груди моей; зачѣмъ стремишься ты къ тому, что поггло для тебя? (*Съ рѣшительностью.*) Нѣтъ, нѣтъ, я не въ силахъ побѣдить себя.... Я признаюсь во всемъ Юліи, пусть она будетъ судьей моихъ чувствъ.... Свѣтъ можетъ осудить меня, но сердце чистое и благородное пойметъ меня и утѣшитъ.... Къ ней, къ ней за спокойствіемъ и счастіемъ. (*Бросается стремительно въ комнату Юліи.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната въ домѣ Барона Юрдана. Трое дверей, нѣтъ окна; направо столъ, на которомъ лежатъ карандаши и бумага.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕНРИХЪ, потомъ КОНРАДЪ и РЕФЕРЕНДАРІЙ ФЕЛЬСЪ.

ГЕНРИХЪ (*входитъ въ красномъ охотничьемъ платьѣ, съ шпорами и хлыстомъ*).

Конрадъ! Конрадъ! Скоро ли будутъ готовы лошади?...

КОНРАДЪ.

Ихъ выводятъ сію минуту, Г. Баронъ.

ГЕНРИХЪ.

Вели, чтобъ ихъ хорошенько осѣдали, мнѣ на уздечкѣ, а Фельсу, какъ всегда, на мундштукѣ.

КОНРАДЪ.

Слушаю, Г. Баронъ. (*Уходитъ.*)

Генрихъ (*вынимаетъ изъ кармана письмо, и распечатываетъ его*).

Она отдала мнѣ мимоходомъ эту записку. Что-то она пишетъ? До сихъ поръ я не имѣлъ еще довольно мужества, чтобъ призываться во всемъ женѣ... а вотъ уже восемь дней, какъ Марія здѣсь. (*Читаетъ.*) Прошу покорно!... Этотъ дуракъ Вольфъ преслѣдуетъ бѣдную дѣвушку... (*Читаетъ.*) «Я не въ состояніи сносить долге такого положенія, меня мучитъ безпрестанно мысль, какъ жестоко оскорбляю я благородное, любящее сердце жены вашей. Кромѣ всего этого страдаю я отъ преслѣдованій человѣка, который уже около года не даетъ мнѣ покоя и надѣдаетъ своимъ иѣжностями; зная его, я не могу сомнѣваться въ его подлыхъ видахъ, и не имѣю возможности избѣгнуть здѣсь встрѣчи съ нимъ.» Уже около года! И чтобъ имѣть больше возможности преслѣдовать свою жертву, онъ помѣстилъ ее въ домъ, гдѣ принять какъ хорошій знакомый!... А! Г. Ассессоръ, мы перемолвимъ съ вами слово на счетъ этого!...

Фельсъ (*входитъ*).

Здравствуй, Иорданъ; знаешь ли ты какую новость принесъ я тебѣ?

Генрихъ.

Нѣтъ.

Фельсъ.

Въ Министерствѣ рѣшено, что ты черезъ мѣсяцъ будешь совѣтникомъ.

Генрихъ.

Наконецъ!

Фельсъ.

Наконецъ! помилуй, братецъ, ты кажется, все хочешь брать штурмомъ.

Генрихъ.

Да, мнѣ надобно торопиться впередъ, чтобъ выйти изъ того зависимаго состоянія, которое мнѣ несносно. Тогда только, Фельсъ, буду я въ настоящей своей сти-

хи, тогда только буду я совершенно доволенъ и счастливъ.

Фельсъ.

Впрочемъ, ты и теперь, кажется, довольно веселъ, и я радуюсь, видя тебя въ такомъ хорошемъ расположеніи духа.

Генрихъ.

Вотъ уже недѣля, какъ я сталъ совершенно другимъ человѣкомъ.

Фельсъ.

Слава Богу! когда ты пріѣхалъ сюда, ты былъ страхъ какъ угрюмъ и мраченъ. Теперь тебя видишь, по крайней мѣрѣ, въ обществѣ, въ театрахъ, на гуляньяхъ.

Генрихъ.

Я былъ боленъ нравственно и тѣлесно, теперь чувствую я себя совершенно здоровымъ; я какъ будто переродился, и теперь хотѣлъ бы прижать къ моему сердцу цѣлый міръ (*обнимаетъ его*), какъ тебя, моего Германа, моего друга! Ну, теперь на лошадей, онѣ ждутъ насъ!...

Фельсъ.

Куда же мы поѣдемъ?

Генрихъ.

Куда хочешь; мимо оконъ какойнибудь красавицы: у тебя вѣрно есть какаянибудь на примѣтѣ?

Фельсъ.

Да, я принялъ было привычку ходить и ѣздить все по одной и той же улицѣ...

Генрихъ (*смѣясь*).

Право!... Такъ и ты наконецъ влюбленъ?

Фельсъ.

Влюбленъ?... Нѣтъ, братъ, это такъ, шалость; меня не скоро завербуютъ, а если это и случится, то какънибудь нечаянно; я считаю женитьбу за такой прыжокъ, который только тогда удастся, когда его сдѣлаешь экспромтомъ, безъ всякихъ приготовленій! Поѣдемъ, однако же, я покажу тебѣ съ десятокъ оконъ, у которыхъ вмѣсто цвѣтовъ красуются самыя прелестныя женскія головки.

Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ, покажи мнѣ только то окно, въ которое смотритъ твоя богиня.

Фельсъ.

Мнѣ право совѣстно, видишь, какъ я краснѣю!

(Уходятъ оба, громко смѣясь.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Докторъ Фельсъ и Юлія *входятъ съ правой стороны.*

Докторъ Фельсъ.

Что же хотите вы еще? Къ величайшему изумленію моему, вижу я на дворѣ осѣдланыхъ лошадей... Г. Баронъ позволить ѣхать прогуливаться!.. Развѣ это не доказательство совершеннаго выздоровленія? Посмотрите *(подходитъ къ окну)*, какимъ молодцомъ онъ сидитъ на лошади... Что жъ вы не кланяетесь: онъ киваетъ вамъ головою. *(Юлія кланяется съ принужденною веселостію.)* Что это?... мнѣ кажется, будто теперь вы въ свою очередь повѣсили голову?... Чѣмъ же вы недовольны?

Юлія *(съ огорченіемъ)*.

Ни сколько, я совершенно довольна; эта веселость Генриха дѣлаетъ меня счастливою.

Докторъ Фельсъ.

Однако же, глядя на васъ, никто этого не скажетъ. Что съ вами?

Юлія.

Ничего! привыкнувъ видѣть мужа моего такъ долго задумчивымъ и мрачнымъ, я вѣроятно не могу еще освоиться съ его внезапною веселостію.

Докторъ Фельсъ.

Да, вѣрно что нибудь похожее на это... въ противномъ же случаѣ, прошу извинить меня, сударыня, но...

Юлія.

Что жъ можете вы предполагать, лю-

безный докторъ? Впрочемъ, сказать правду, мнѣ кажется страннымъ, что довольно было одного разговора съ вамп, чтобъ совершенно измѣнить Генриха и заставить его отбросить вовсе ту мрачную задумчивость, которая нѣсколько лѣтъ отравляла мое счастье, и которую не могли разсѣять всѣ мои попеченія... Ахъ! Боже мой, грустно подумать отъ какихъ бездѣлицъ зависитъ часто спокойствіе бѣдныхъ женщинъ!

Докторъ Фельсъ.

Не только женщинъ, но и всѣхъ людей, любезная Баронесса! Повѣрьте мнѣ, хорошее кровопусканіе, ванна, моціонъ, все это, предписанное во время, можетъ произвести чудеса, и я убѣжденъ, что вся Всемирная Исторія имѣла бы совершенно другой характеръ, если бъ эти средства были употребляемы, какъ должно.

Юлія.

Нынѣшня я веселость Генриха страшитъ меня какъ-то болѣе, чѣмъ прежняя грусть его. Отчего эта внезапная перемена? Отчего обязанъ онъ ею не мнѣ, не моимъ убѣжденіямъ? И въ самой веселости этой есть что-то странное, болѣзненное; что-то такое, что меня болѣе изумляетъ, чѣмъ радуетъ.

Докторъ Фельсъ *(смѣясь)*.

Признаюсь, я никогда не ождадь, чтобы можно было такъ анатомировать нравственную сторону человѣка!

Юлія *(съ большою рѣшимостію)*.

Смѣйтесь надо мною, сколько хотите, но я не могу скрыть моего безпокойства. Онъ во всемъ дѣйствуетъ не такъ, какъ другіе; онъ не знаетъ границъ ни въ радости, ни въ горѣ. Я часто пугаюсь той пылкости, съ какою онъ обнимаетъ дѣтей, той горячности, которою онъ показываетъ иногда въ разговорахъ со мною или съ гувернанткой нашей, съ этой Маріей...

Докторъ Фельсъ (*перебивая ее, и взявъ за руку цупаетъ пульсъ*).

Боже мой! ужъ не ревнивы ли вы?

Юлія.

Перестаньте докторъ; я не ревнива, но несчастлива.

Докторъ Фельсъ (*смѣясь*).

Послушайте, что я скажу вамъ. Мы, доктора, признаемъ существованіе одной болѣзни, родъ матеріи *rekans*, которая переходитъ отъ одного субъекта къ другому. Что, если вы подверглись теперь ей, и если она отъ вашего мужа изволила переселиться въ васъ!... Перестаньте, сударыня, выбросьте пзъ головы всѣ вздорныя мысли; неужели вы хотите раздражать вашему супругу? Если вы не слушаетесь меня, я примусь лечить васъ серьезно; берегитесь же и будьте веселы и спокойны....

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Юлія, потомъ Конрадъ и Вольфъ.

Юлія (*садится къ столу, беретъ карандашъ и начинаетъ рисовать*).

Добрый, хорошій человекъ, но чрезвычайно односторонній въ своихъ мнѣніяхъ. Каждую болѣзнь души приписываетъ онъ стуженію крови.... Если бъ это дѣйствительно было такъ, то исцѣленіе было бы нетрудно, и мы никогда не знали бы горя.... Впрочемъ, въ пѣкоторомъ отношеніи онъ правъ: я должна искать разсѣянія, чтобъ хоть на минуту освободиться отъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ меня. (*Задумчиво*.) Генрихъ говорилъ мнѣ какъ-то недавно, чтобъ я попробовала нарисовать портретъ Ма-

ри, увѣряя, что онъ вѣрно будетъ похожъ. Неужели самолюбіе его хотѣло, чтобъ я выказала свой талантъ передъ этой молодой дѣвушкой. Нѣтъ, у него было что-то другое на умѣ, я угадала это по тону его голоса. И для чего хочеть онъ, чтобъ узы самой вѣжной дружбы связывали меня съ нею. Для чего?..

Конрадъ.

Ассессоръ Вольфъ!

(*Юлія встаетъ*).

Вольфъ.

Сдѣлайте одолженіе, Баронесса, не безпокойтесь.... останьтесь при вашихъ занятіяхъ.

Юлія (*показывая ему на стулъ*).

Прошу садиться, здѣсь, подлѣ меня.

Вольфъ (*беретъ стулъ*).

Я хотѣлъ только навѣдаться мимоходомъ о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ.... Что это? (*Смотритъ на рисованье*). Опять новое соперничество съ Рафаэлемъ?

Юлія (*смѣясь*).

Такъ, маленькій эскизъ!

Вольфъ.

Позвольте взглянуть. Ваша картина на послѣдней выставкѣ была безпрестанно окружена толпою публики.

Юлія.

Вѣроятно для того, чтобъ смѣяться надъ несмѣтнымъ множествомъ ошибокъ моихъ.

Вольфъ.

Излишняя скромность; вѣдь вы принадлежите къ Дюссельдорфской Школѣ, которая должна гордиться вами.... Позвольте, это, кажется, очеркъ портрета дѣвicy Винтеръ?

Юлія.

Находите ли вы сходство?

Вольфъ.

Чрезвычайное! Не хотите ли вы сдѣ-

латъ этимъ портретомъ сюрпризъ вашему супругу?

Юлія.

Моему мужу?

Вольфъ *(съ злобною насмѣшкой)*.

Я такъ предполагалъ.... Знаете ли вы, что онъ сказалъ недавно въ одномъ обществѣ?

Юлія.

Что?... *(Опомнясь говоритъ съ улыбкой)*. Вы возбуждаете мое любопытство, Г. Вольфъ.

Вольфъ *(также улыбаясь)*.

Съ нѣкотораго времени, Г. Баронъ сталъ чрезвычайно веселъ и шутливъ.

Юлія.

Но что же сказалъ онъ?

Вольфъ *(смѣясь)*.

Что онъ похожъ на Графа Глейхена, потому что и у него теперь двѣ жены.

Юлія *(пересиливаетъ свое волненіе и говоритъ шутливымъ тономъ)*.

Браво!... а я думала, что ему и съ одною довольно хлопотъ. *(Послѣ минутнаго молчанія встаетъ, довольно встревоженная, и идетъ къ окну, какъ будто хочетъ посмотреть въ него)*.

Вольфъ.

А между тѣмъ свѣтъ завидуетъ ему и въ этой одной!... *(Въ сторону)*. Это дѣйствуетъ! Марія должна оставить этотъ домъ; *(въ сторону)* будемъ продолжать въ этомъ тонѣ.

Юлія *(у окна)*.

Никого! *(Возвращаясь)*. Мнѣ показались, будто кто-то подѣхалъ. *(Садится опять къ столу и тушуетъ рисунокъ карандашомъ)*.

Вольфъ.

Боже мой! что вы дѣлаете; вы уничтожаете эти прекрасныя черты! *(Садится опять)* Сиюминуту встрѣтилъ я Г. Барона съ другомъ его, Г. Фельсомъ; они скакали во весь опоръ.... Право, удивительно, какъ Г. Баронъ въ короткое время перемѣнился....

Юлія.

И вы также находите это?

Вольфъ.

Его нельзя узнать; онъ совершенно переродился. Когда вы въѣхали въ этотъ домъ, я испугался, увидѣвъ вашего супруга; онъ былъ такъ мраченъ, такъ угрюмъ!... Теперь.... онъ совсѣмъ другой... и перемѣна эта сдѣлалась замѣтна въ немъ, кажется, именно съ того дня, въ который я имѣлъ честь рекомендовать вамъ вашу пынѣшнюю гувернантку.... Кстати, довольны ли вы ею?...

Юлія.

Очень!... Небольшое путешествіе, которое онъ предпринималъ, развлекало его и сдѣлало много ему пользы....

Вольфъ.

Да, путешествіе и еще другое кое-что; онъ самъ говорилъ это....

Юлія.

Я, право, удивляюсь, съ какою подробностью извѣстно вамъ все, касающееся до него.... Что жъ сказалъ онъ?

Вольфъ.

То, что не смотря на страсть свою къ хорошимъ картинамъ, онъ рѣшился не покупать ихъ съ тѣхъ поръ, какъ у него въ домъ, вмѣсто бездушныхъ образовъ, такъ много прекрасныхъ живыхъ красотъ. *(Смѣется)*.

Юлія.

Что жъ вы тутъ находите страннаго?

Вольфъ.

Я, ничего; но свѣтъ ловитъ всегда по-

добныя выраженія, и дѣлаеть свои заключенія.... Часто смотрю я съ удивленіемъ на нашего супруга, когда встрѣчаю его въ саду.... листья падаютъ ужъ съ деревьевъ, аллеи рѣдѣють, воздухъ холодѣеть, а онъ, не замѣчая ничего, гуляетъ себѣ по нѣсколькимъ часамъ сряду, съ дѣвницею Винтеръ....

Юлія.

Съ Маріей?

Вольфъ.

Да, это доказываетъ, впрочемъ, только чрезмѣрную любовь его къ дѣтямъ; онъ хочетъ вниманіемъ своимъ, котораго нельзя высказать, вознаграждать ее за попеченія, которыя она прилагаетъ о нихъ. Какъ долженъ я быть благодаренъ ему за такое хорошее обращеніе съ дѣвушкой, которая по моей рекомендаціи была принята у него въ домъ. Право, самая близкая родственница не могла бы ожидать большей пріязни.

Юлія (*встаетъ въ сильномъ волненіи*).

Извините меня, Г. Ассессоръ... домашнія занятія.... хозяйство.... требуютъ моего присутствія.

Вольфъ.

Мнѣ надобно просить у васъ извиненія.... Баронесса; я засидѣлся такъ долго....

ЯВЛЕНІЕ IV

Конрадъ (*вбѣгаетъ*), потомъ Генрихъ, Референдарій Фельсъ и прежнія.

Конрадъ.

Не пугайтесь, Г-жа Баронесса, не пугайтесь!

Юлія.

Боже мой, что случилось?

Фельсъ (*выталкивая Конрада за дверь*).

Ничего, ничего.... Этотъ старый болтунъ только напрасно встревожилъ васъ.

Генрихъ.

Ничего, другъ мой, успокойся... я имѣлъ вѣловкость упасть вмѣстѣ съ лошадыю.

Юлія.

Генрихъ, ты ушибся, ты раненъ!...

Фельсъ.

Ничего не бывало, онъ цѣлъ и здоровъ, посмотрите сами; эта проклятая мельница всему виновата.... лошадь испугалась, кинулась въ сторону и растянулась вмѣстѣ съ нимъ. Впрочемъ, все благополучно, мы отдѣлались только страхомъ.

Генрихъ (*садится потиралъ правую ногу*).

Успокойся, Юлія, это рѣшительно ничего; такъ, маленькій толчокъ....

Вольфъ.

Повѣрьте, Баронъ, что я чрезвычайно сожалѣю.... вамъ нуженъ покой.... позвольте пожелать вамъ добраго вечера. (*Хочетъ идти*).

Генрихъ.

Куда вы такъ спѣшите, Г. Вольфъ... я бы желалъ имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами еще минутку.

Вольфъ.

Со мною?

Фельсъ.

Въ такомъ случаѣ, не хочу мѣшать вамъ; къ тому же мнѣ пора. (*Къ Юліи, кланяясь ей почтительно*). Баронесса!... (*Къ Вольфу*). Г. Вольфъ. (*Насмѣливо*). Кстати: говорятъ, вамъ поручена ревизія дѣлъ... радуюсь, радуюсь; вы, конечно, приведете все въ должный порядокъ. (*Раскланявшись, уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Генрихъ, Вольфъ и Юлія.

Вольфъ.

Я къ вашимъ услугамъ, Г. Юрданъ. (*Садится*).

ГЕНРИХЪ (*съ примѣтною горлчностію, которую онъ старается однако же умлрить*).

Г. Вольфъ, я слышалъ, что вамъ угодно обращать иногда особенное вниманіе на слова, сказанныя мною въ шутку, и давать имъ другой смыслъ; что вы любите все преувеличивать, и часто дѣлаете изъ мухи слона.

Вольфъ (*показывая на Юлію*).

Г. Баронъ, прошу васъ... подумайте, что вы говорите.

(*Юлія хочетъ идти*).

ГЕНРИХЪ.

Останься, другъ мой, останься!... прошу тебя.... (*къ Вольфу*). Г. Вольфъ, вы слишкомъ неосторожны, слишкомъ опрометчивы.... Вы не оказываете должнаго уваженія моему дому....

Вольфъ (*встаетъ*).

Г. Баронъ!

ГЕНРИХЪ.

Молодая дама, которую вы намъ рекомендовали, кажется, не расположена отблагодарить васъ такъ, какъ вы того надѣялись.... (*Юлія дѣлаетъ знакъ движенія, чтобъ выйти*). Останься, милая Юлія! Дѣло это касается гораздо болѣе до тебя, чѣмъ до меня; останься....

Юлія (*садится опять къ столу и говоритъ про себя*).

По тону, съ какимъ онъ будетъ говорить о ней, постараюсь угадать о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ...

Вольфъ.

Мы можемъ въ другое время...

ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ, Г. Вольфъ, не въ другое время, а теперь хочу я говорить съ вами... Мнѣ извѣстно изъ вѣрнаго источника, что вы

ухаживаете за воспитательницею дѣтей моихъ... что вы преслѣдуете ее давно.

Юлія (*въ сторону*).

Онъ?

Вольфъ.

Преслѣдую?.. Я?..

ГЕНРИХЪ (*примѣтно разгорлаясь*).

Но она не расположена отвѣчать вамъ, вы поппааете меня, Г. Вольфъ, не расположена ни сколько...

Вольфъ.

Къ чему, позвольте васъ спросить?..

ГЕНРИХЪ.

Увѣряю васъ, что она не расположена къ вамъ, что вы ей противны... понимаете ли вы меня, Г. Вольфъ?..

Вольфъ (*внутренно взбѣшенный, но стараясь скрыть это чувство*).

Не совѣмъ, любезный товарищъ!..

ГЕНРИХЪ (*вскакивая*).

Какой я вамъ товарищъ!.. Сатана можетъ быть вашимъ товарищемъ, а не я (*Юлія прокрадывается къ двери сосѣдней комнаты и скрывается за нее оставляетъ ее незатворенною*); какъ осмѣлился вы обратить взоры на дѣвушку, которая такъ же недоступна для васъ, какъ недоступенъ рай для грѣшника; какъ осмѣлился вы преслѣдовать ее вашими гнусными намѣреніями... Совѣтую вамъ бросать ваши сѣти въ другомъ мѣстѣ... люди, подобные вамъ, могутъ ловить рыбу только въ мутной водѣ...

Вольфъ (*взглянувъ въ ту сторону, куда ушла Юлія*).

Я вижу, что эта мутная вода становится здѣсь очень ясно... но я спрошу васъ, въ свою очередь, Г. Баронъ, какъ смѣете вы говорить со мною такимъ образомъ?

ГЕНРИХЪ.

Въ этомъ я не обязанъ вамъ отчетомъ; однимъ словомъ, я запрещаю вамъ имѣть

какіе бы те ни было виды на эту дѣвушку...

Вольфъ.

По какому праву?.. Развѣ она избрала васъ своимъ опекуномъ?..

Генрихъ.

Я самъ принимаю на себя это званіе.

Вольфъ (*злобно*).

Въ такомъ случаѣ, я прошу у васъ руки этой дѣвушки.

Генрихъ.

У меня? У меня?.. Что вы хотите сказать этимъ, государь мой?..

Вольфъ.

Вы сами запутываетесь въ словахъ своихъ и противорѣчите себѣ, Г. Баронъ.

Генрихъ (*випъ себя*).

Нѣтъ, нѣтъ, неправда!.. Вы хотите назвать своею женщиною, которую судьба создала столь совершенною, что отказала въ ней даже и тому, кто... умѣлъ постичь ее... Для такой женщины надобно родиться такимъ, какъ она.. чтобъ имѣть право назвать ее своею, надобно было любить ее, страдать съ нею, плакать съ нею, жить ея жизнью, благоговѣть предъ нею... и вы, вы хотите.. О! Г. Вольфъ, вы мнѣ жалки, вы заставляете меня смѣяться...

Вольфъ.

Смѣйтесь, смѣйтесь!.. (*взглянувъ на комнату, идъ Юлія.*) Другіе, можетъ быть, будутъ плакать...

Генрихъ.

Ни слова болѣе, оставьте домъ мой!

Вольфъ.

Иду, иду; но что касается до вашихъ оскорбленій, вы вспомните обо мнѣ...

Генрихъ (*взглянувъ на него презрительно*).

Вы, кажется, грозите мнѣ...

Вольфъ.

Хорошо, хорошо... вы вспомните обо мнѣ! (*Идетъ къ двери*).

Генрихъ.

Я не боюсь васъ!.. Обкрадывайте вдовъ

и сиротъ, обкрадывайте цѣлый міръ; но оставьте небу то, что принадлежитъ ему одному (*закрываетъ за нимъ дверь, Юлія между тѣмъ показывается*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Генрихъ и Юлія.

Юлія (*трепещущимъ голосомъ*).

Генрихъ, я все слышала, все поняла... Могла ли я когда нибудь думать, что пастанетъ минута, въ которую между мной и тобой развернется ужасная, глубокая пропасть!.. Сцена, которой я была свидетельницею, конечно, не отторгнетъ меня совершенно отъ того, кого дѣти мои называютъ отцемъ своимъ; но она разрываетъ навсегда тѣ узы, которыя привязывали сердце мое къ человѣку, избранному моею любовью!..

Генрихъ (*въ сторону*).

Я измѣнилъ себѣ... теперь скажу ей все...

Юлія.

Я была бы въ состояніи перенести терпѣливо всѣ несчастія, всѣ потери; я даже почти ожидала ихъ... (*со слезами*) не ожидала только одного — потерп любви твоей!..

Генрихъ (*нѣжно*).

Милая, добрая Юлія!..

Юлія (*съ негодованіемъ*).

Оставь эти нѣжныя названія, которыя теперь потеряли для меня всю прелесть... Пламенные слова, которыми ты сію минуту выразилъ блаженство, находимое въ обладаніи любимую дѣвушкой, раздаются еще въ ухахъ моихъ!.. Слова эти, какъ голосъ демона, прокричали мнѣ: ты никогда не была для него этой женщиной!.. (*Въ отчаяніи падаетъ на кресла.*) О Боже! Боже! и я должна была слышать это!..

Генрихъ (*спокойно и кротко*).

Милая Юлія, всякій другой мужъ на моемъ мѣстѣ сталъ бы оправдываться, сталъ

бы искать средства успокоить тебя и разувѣрить.

Юлія (*стремительно*).

А ты даже и этого не хочешь сдѣлать!..

Генрихъ (*нѣжно*).

Вотъ видишь ли, другъ мой, я такъ вѣрю въ прочность нашихъ взаимныхъ чувствъ и въ счастливое окончаніе этой тягостной сцены, что ко всѣмъ безпокойствамъ, которыя мучаютъ тебя теперь, рѣшаюсь прибавить еще новое...

Юлія (*випь себя*).

Еще новое?..

Генрихъ.

Да, но оно будетъ только мимутнымъ... (*прикуждаетъ ее сѣсть и подвигаетъ къ ней свое кресло*.) Юлія, ты знаешь тотъ поблеклый, вышитый букетъ цвѣтовъ, который всегда у меня на столѣ?.. Онъ вышитъ рукою Маріи.

Юлія (*вскакиваетъ*).

Рукою Маріи!..

Генрихъ (*сажая ее снова, говоритъ съ чувствомъ*).

Выслушай, выслушай меня!.. (*нѣжно*) Сію минуту была ты свидѣтельницей, что Марія только по просякамъ этого человѣка, который преслѣдуетъ ее своею презрѣнной любовью, успѣла вступить въ домъ нашъ. Я увидѣлся опять съ нею въ первый разъ тогда только, когда она, пришедши сюда, обратилась ко мнѣ, какъ къ отцу тѣхъ малютокъ, которыхъ должна была воспитывать. Узнавъ меня, она хотѣла бѣжать; я принудилъ ее остаться... (*Юлія опять дѣлаетъ движеніе, чтобы встать*) Юлія, не принимай этого въ дурную сторону; Юлія, ты не хочешь выслушать меня!.. (*Юлія, вырвавшись отъ него, перебѣгаетъ на другую сторону сцены*).

Юлія.

Я не знаю, живу ли я еще!..

Генрихъ (*спокойно приближается къ ней*).

Я хочу объяснить тебѣ причины, заставившія меня поступать такимъ образомъ: Марія бѣдна; у ней нѣтъ никого въ мірѣ, и чтобъ имѣть средства къ существованію, она должна искать ихъ въ домахъ людей, чужихъ для нее...

Юлія.

Ты могъ бы удѣлить ей отъ нашихъ избытковъ; могъ бы безъ моего и ея вѣдома помогать черезъ кого нибудь посторонняго.

Генрихъ.

Нѣтъ, Юлія, она слишкомъ горда, и никогда не приняла бы помощи, не зная откуда она происходитъ.

Юлія.

Я также горда не менѣе ее, и никогда не соглашусь раздѣлять съ другою властью моею домъ.

Генрихъ.

Власть въ домѣ! въ твоёмъ домѣ! Я думалъ до сихъ поръ, что вся власть твоя и всѣ дѣйствія имѣли цѣлю только одно мое счастье.

Юлія.

И чтобъ увеличить это счастье, должна я сносить присутствіе женщины, которая, какъ ты самъ выразился, снова зажгла въ тебѣ весь пламень твоей прежней страсти?..

Генрихъ.

Юлія, я люблю тебя; я считъ бы потеряннымъ невозвратно все мое счастье, еслибъ лишилъ тебя, жену мою, правъ, тебѣ принадлежащихъ... Но и ты съ своей стороны выйди спокойно въ мои чувства; пойми ихъ, усвой ихъ себѣ, и ты увидишь, что въ сердцѣ своемъ я не виновать предъ тобою...

Юлія.

Не предполагай во мнѣ великодушія, котораго я не имѣю; не вѣрь моей твердости въ борьбѣ съ собственнымъ моимъ сердцемъ; я ничто болѣе, какъ слабая

женщина, и хочу остаться ею, хочу упорствовать въ этой слабости.

Генрихъ.

Ты клеветашь на себя, Юлія!... Развѣ я сказалъ тебѣ, что еще люблю Марію?... Но я много виновать передъ нею, я погубилъ всю ея будущность! Я поставилъ ее въ то ужасное положеніе, которое заставляетъ ее теперь служить въ чужомъ домѣ изъ пропитанія....

Юлія (*стремительно*).

И за все это должна расплачиваться я?

Генрихъ (*съ возрастающимъ жаромъ*).

Мало того: я разрушилъ въ сердцѣ ея вѣру въ людей; я отнялъ у ней возможность любить; я нарушилъ священнѣйшія клятвы, клятвы, которыя слышалъ Богъ....

Юлія.

Замолчи! Замолчи! Не думай, чтобъ слова твои могли ослѣпить меня на счетъ твоего долга и моихъ правъ. Въ ту минуту, когда ты отдалъ мнѣ свою руку, дверь, черезъ которую ты могъ бы возвратиться къ прошедшему, затворилась наглухо. Стараясь отворить ее теперь напрасно, ты дѣлаешься преступникомъ противъ меня и противъ дѣтей твоихъ.

Генрихъ (*устремивъ глаза къ небу*).

Въ этомъ дамъ я отчетъ только одному Богу; мы всѣ слабые сыны праха и никто не можетъ похвалиться, чтобъ ему были извѣстны намѣренія Божіи....

Юлія (*съ горячностью*).

Я, я хвалюсь этимъ, слѣдуя внушеніямъ моего сердца. Я требую, чтобъ ты пощадилъ, по крайней мѣрѣ, честь мою, если не могу уже владѣть твоей любовью.... Марія должна оставить нашъ домъ.

Генрихъ.

Юлія, твоя горячность!...

Юлія.

Она слѣдствіе твоихъ поступковъ....

Не думай, чтобъ ты могъ заставить меня смотрѣть на вещи какъ тебѣ хочется, я чувствую себя оскорбленной, уничтоженной, обезчещенной, и отчаяніе изливается въ справедливыхъ жалобахъ....

Генрихъ.

Юлія, дай вразумить тебя!...

Юлія (*въ сильномъ волненіи*).

Нѣтъ, меня приводятъ въ негодованіе тѣ правила, на которыхъ ты основываешь свои безумные поступки. Законы нравственности и чести утверждены вѣками, и ты не можешь переменить ихъ. Тотъ, кто подобно тебѣ хочетъ идти наперекоръ обыкновеннаго порядка, тотъ долженъ наконецъ сдѣлаться жертвой собственнаго своего безумства....

(Генрихъ, погружался въ задумчивость, отвращивается.)

Ты хочешь указывать звѣздамъ путь ихъ; хочешь дать новое направленіе солнцу и не можешь найти дороги, которая ведетъ къ чести и нравственности!... Возьми назадъ тѣ клятвы, которыми ты увѣрялъ меня въ любви своей, возьми ихъ назадъ, чтобъ не краснѣть предо мною!...

Генрихъ (*какъ будто пробудясь отъ сна*).

Марія!

Юлія (*внѣ себя*).

Правосудный Боже! (*Съ чувствомъ глубокой скорби*.) Марія! Марія!... Мысль о ней до того неразлучна съ его душою, что даже въ эту ужасную минуту, имя ея носится на устахъ его!... О, я несчастная! (*Закрываетъ лице руками и горько плачетъ*.)

Генрихъ (*съ некоторою запальчивостію*).

Юлія, не раздражай меня!... Не выводь меня изъ терпѣнія.... Я хочу покоя, слышишь ли, покоя!...

Юлія (*съ рѣшительно-
стію*).

Ты хочешь покоя?... Хорошо!... Желаніе твое исполнится; ты будешь удовлетворена. (*Идетъ къ столу, беретъ колокольчикъ и звонитъ.*)

ГЕНРИХЪ.

Что это значить?... Какое твое намѣреніе?...

Юлія (*дрожащимъ голосомъ, которому она старается однако жъ придать твердость*).

Я хочу искать покровительства у родителей моихъ, я ѣду на встрѣчу къ отцу моему, ѣду теперь же....

(*Конрадъ входитъ.*)

Конрадъ.... карету и почтовыхъ лошадей.... сію минуту!...

ГЕНРИХЪ (*съ рѣшительностью и повелительно взглядывая на Конрада, приказываетъ ему выйти*).

Конрадъ!... ни шагу со двора!... (*Конрадъ кланяется почитательно и уходитъ.*) Довѣрчиво, со всею искренностію раскрылъ я передъ тобою сердце мое; я надѣялся найти въ тебѣ участіе и спсхожденіе, а ты, вмѣсто того, чтобы утѣ-

шить и успокоить меня, страдающаго и встревоженнаго, ты хочешь еще увеличить мое горе. Ты хочешь удалиться къ твоимъ и безъ того уже непріязненнымъ мнѣ родителямъ, хочешь искать у нихъ покровительства и опозорить меня... Нѣтъ, этому не бывать; ты не переступишь порога этого дома. Хочу, чтобы подъ этою кровлею развязался тотъ узелъ, который ты затянешь еще крѣпче, если къ мнѣ настоящимъ горестямъ прибавишь еще непріятность огласки. Не все то, что освѣщаетъ пламень домашняго очага, можетъ быть выставлено напоказъ свѣту. Горе тому, кто первый выскажетъ людямъ тайны домашней жизни! (*Уходитъ.*)

Юлія (*послѣ минутнаго молчанія*).

Чувствую, что въ словахъ его звучитъ истина, но чувствую также, что есть истины разсудка, которыхъ не можетъ постигнуть сердце. Пусть будетъ, что будетъ!... Только та любовь велика и священна, которая отдала все и не можетъ принести уже болѣе ни какой жертвы; но такая любовь требуетъ взаимности нераздѣльной, безусловной; она живетъ ею.... *все или ничего*, вотъ девизъ ея; его избираю себѣ и я!... (*сплшитъ въ свою комнату.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Богатая гостинная въ домѣ Министра.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ Фельсъ, Президентъ, Юлія, потомъ Иосифъ.

Докторъ Фельсъ.

Я разгадаю вамъ эту загадку, Г. Пре-

зидентъ; здѣсь дѣло коснулось моего самолюбія, и я хочу доказать вамъ, что умѣю лечить не только болѣзни тѣла, но и болѣзни душъ.

Президентъ.

Если бъ это дѣло могло устроиться деньгами, если бъ нужно было назначить какойнибудь пенсіонъ этой дѣвицѣ, я готовъ былъ бы жертвовать всѣмъ моимъ имѣніемъ.

Докторъ Фельсъ.

Предоставьте все моимъ попеченіямъ: болѣнь одинъ онъ, и его одного надобно лечить; во всякомъ случаѣ, не теряйте мужества, Богъ поможетъ намъ, и все прійдетъ въ должный порядокъ.

Президентъ.

Я никакъ не надѣялся найти васъ въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу, и это совершенно меня сразило! Мнѣ не хотѣлось бы говорить объ этомъ брату; онъ, какъ и всѣ родственники наши, былъ всегда противъ этого союза; и когда я подумаю, какъ мало ручательствъ представлялъ этотъ мечтатель, то вижу, что братъ былъ правъ! Впрочемъ, ты поступила хорошо, что дѣйствовала рѣшительно и оставила его. *(Юлія не отвѣчала, склоняетъ голову на руку.)* Ты молчишь, ужь не раскаяваешься ли въ томъ, что сдѣлала?

Юлія.

Я плачу о томъ, что сдѣлала, но не раскаяваюсь.

Президентъ.

На этого человѣка можно дѣйствовать только съ энергіею. Вообще, я слышу здѣсь о немъ такія вещи, которыя чрезвычайпо для меня неприятны. Онъ неглижируетъ службой; не радѣетъ о своихъ обязанностяхъ; все это ставитъ меня и брата моего, Министра, въ самое тягостное положеніе.

Юлія.

Батюшка, я думаю, что слухи эти пускаютъ его завистники.

Президентъ.

Нѣтъ, директоръ его департамента недоволенъ имъ. Къ чему служить способности и дарованія, если мы не хотимъ или

не умѣемъ съ точностію исполнять приказаній начальства. Впрочемъ, я ожидалъ этого; такія блестящія кометы не годятся для службы, гдѣ все основано на правильной, однообразной системѣ. *(Помолчавъ съ минутой.)* Писала ли ты къ нему? *(Юлія не отвѣчаетъ.)* Отчего молчишь ты?... Писала ли ты къ нему?

Юлія.

Нѣтъ.

Президентъ.

Слыхалъ ли кто о подобныхъ дурачествахъ, о такой нелѣпой мечтательности. Родись онъ дворяниномъ, то ничего такого не было бы и въ поминѣ; мы имѣемъ предъ людьми, рожденными въ низкомъ состояніи, то преимущество, что не придаемъ столько цѣны всѣмъ этимъ сердечнымъ вздорамъ. Я иду къ нему, и напому ему какъ должно о его обязанностяхъ.

Юлія *(встаетъ.)*

Но, батюшка, можетъ быть, я неправа гораздо болѣе, чѣмъ онъ?

Президентъ.

Не потому ли, что ты оставила его? Каждая другая жена сдѣлала бы то же самое на твоемъ мѣстѣ.

Юлія *(задумчиво.)*

Въ этомъ нѣтъ еще большой заслуги дѣлать то, что сдѣлала бы каждая другая!...

Президентъ.

Я надѣюсь, Юлія, что ты не заразилась его сумасбродствомъ. Ты воспитана въ такихъ правилахъ, которыя учатъ соображаться съ принятыми приличіями. Тотъ, кто переходитъ за черту этихъ приличій, лишается общаго уваженія и не заслуживаетъ его.

Юлія.

Страсть увлекла меня слишкомъ далеко; я забыла, что Марія слишкомъ благородна для того, чтобы....

Иосифъ (*входитъ*).

Какая-то дѣвица, по имени Марія Винтеръ, желаетъ видѣть Г-жу Баронессу.

Президентъ.

Кто это?...

Юлія.

Батюшка, это та, которая, можетъ быть, невинно лишила меня всего моего счастья!

Президентъ (*къ Иосифу*).

Скажи этой дѣвушкѣ, чтобъ она написала то, что ей нужно... дочь моя занята и не можетъ принять ее...

Юлія.

Нѣтъ, батюшка, нѣтъ... Я не могу ее ненавидѣть, пусть войдетъ она!

(*Иосифъ уходитъ*).

Президентъ.

Ты только еще болѣе разстроишь себя, Юлія; ты не должна была бы удостаивать ее теперь даже взоромъ...

Юлія.

Я вся дрожу, какъ въ лихорадкѣ, но не могу не принять ее; оставьте меня одну съ нею.

Президентъ.

Преодолѣй свое волненіе и призови на помощь собственное свое достоинство. Иду къ твоему мужу и потребую у него дѣтей.

(*Юлія въ слезахъ склоняетъ голову на плечо его*).

Президентъ.

Радуюсь, что твердость твоя сильнѣе любви. Она идетъ сюда, покажи ей все презрѣніе, котораго она заслуживаетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Юлія и Марія.

Юлія.

Я слышу ее... ой какъ бьется мое серд-

це... Буду ли я въ состояніи вынести ея присутствіе... Боже! вотъ она (*садится къ столу*).

Марія (*входитъ*).

Баронесса! приходъ мой въ такое позднее время долженъ уже служить вамъ доказательствомъ, какъ важно то, что привело меня къ вамъ.

Юлія (*въжливово, но холодно*).

Что вамъ угодно?

Марія (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Я, право, не знаю какъ мнѣ начать, чтобъ обратить ваше вниманіе на одно обстоятельство...

Юлія.

Отложите въ сторону всѣ приготовленія; есть вещи, которыя выходятъ изъ общаго порядка, и о которыхъ нельзя говорить мимоходомъ.

Марія.

Итакъ, Баронесса, выслушайте меня; я вижу, что ваше семейное счастье разстроено, и что я безъ всякой вины съ своей стороны — Богъ свидѣтель мнѣ въ томъ — несу на себѣ отвѣтственность за это.

Юлія.

Я напрасно стала бы увѣрять васъ въ противномъ...

Марія (*торжественно*).

Баронесса, если бъ я перечела вамъ тѣ ночи, которыя я провела безъ сна и въ слезахъ съ тѣхъ поръ, какъ вступила въ домъ вашъ; если бъ я описала вамъ то отчаяніе, которое терзало мою душу за невольную вину мою; если бъ я могла передать вамъ всѣ мученія, вытерпѣнные мною — вы, конечно, не стали бы проклинать меня!...

Юлія.

Не думаете ли вы, что я стану дѣлать вамъ упреки!...

Марія.

Нѣтъ, клянусь Богомъ Всемогущимъ,

вы не имѣете на это ни какого права! Я должна была остаться въ вашемъ домѣ, чтобъ предохранить васъ еще отъ большаго несчастія; я думала, что могу положиться на твердость вашего супруга и на умѣнье владѣть самимъ собою, не ожидая, чтобъ мы когда нибудь могли встрѣтиться такъ, какъ встрѣтились теперь.

Юлія (*склонивъ голову на руку долго смотритъ съ грустію на Марію*).

Такъ вы были та, которая первая загляла въ сердце его пламень любви неугасимой?

Марія.

Пусть непроницаемое покрывало забвенія скроетъ отъ насъ прошедшее!.. Небо даетъ намъ здѣсь только предчувствія блаженства, которое ждетъ насъ тамъ, и хочеть, чтобъ мы испытаніями временными созрѣли для радостей вѣчныхъ!.. Когда-то, давно, мой Генрихъ — я имѣла право назвать его тогда этимъ именемъ, подарилъ мнѣ прекрасный пышный цвѣтокъ; его благоуханіе сроднилось съ моею душою, я берегла его какъ сокровище, какъ лучшее мое достояніе... но онъ увялъ внезапно, неожиданно... горько плакала я надъ нимъ; по слезы мои не оживили его... Тогда собрала я поблекшіе листья его, и скрыла ихъ на груди моей; тамъ должны они были оставаться до тѣхъ поръ, пока сердце, бывшее въ груди этой, не обратилось бы въ прахъ... Теперь все перемѣнилось — теперь я сама отдаю вамъ эти завѣтные листья.

Юлія.

Какъ мнѣ понимать васъ?...

Марія (*посль минутнаго молчанія*).

Я выхожу за мужъ!...

Юлія (*встаетъ*).

Вы хотите принести себя мнѣ въ жерт-

ву!... Нѣтъ, я никогда не потерплю этого!...

Марія (*съ рѣшимостью и спокойствіемъ*).

Я дѣлаю это по собственному убѣжденію — добровольно!

Юлія.

Нѣтъ, нѣтъ, это быть не можетъ!

Марія (*снимаетъ съ руки кольцо*).

Возьмите этотъ залогъ нашего обрученія!... онъ не можетъ, не долженъ уже принадлежать мнѣ... Я отдавала это кольцо нѣсколько разъ самому Генриху; но онъ не хотѣлъ взять его...

Юлія (*смотритъ со слезами на кольцо*).

Какъ оно блеститъ еще; о, сколько слезъ было пролито на него... (*надвѣваетъ себѣ его на палецъ*) Нѣтъ, повторяю вамъ, вы обманываете меня; вы не могли рѣшиться на эту жертву добровольно.

Марія.

Если не добровольно, то, по крайнѣй мѣрѣ, безъ раскаянія и съ твердостью. То, что я дѣлаю, внушено мнѣ самимъ небомъ, и мнѣ кажется, будто голоса ангеловъ звучать мнѣ: «сдѣлай это, мы порадуемся такой жертвѣ!»

Юлія (*обнимаетъ ее*).

Марія!

Марія (*торжественно*).

Я была увѣрена, что мы разстанемся друзьями.

Юлія.

Я спѣшу къ отцу моему; останься здѣсь, Марія, останься. Я должна объявить ему о перемѣнѣ судьбы моей, и показать того ангела, которому буду обязана моимъ счастіемъ! (*Уходитъ*).

Марія.

Останься... и быть свидѣтельницею — радости ихъ, купленной моею страданіями?.. Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Чтобъ упрочить его счастье, могла я промѣнять могильные цвѣты любви моей на мърты

супружества; но скрыть слезы, которыхъ стоитъ мнѣ эта жертва, не въ моей власти... (съ сердечною грустью). Лейтесь, лейтесь же, отрадные слезы, скоро и вы должны будете изсякнуть въ глазахъ моихъ; скоро даже самая жалоба на судьбу будетъ преступленіемъ!... (закрываетъ лице руками и горько плачетъ; послѣ нѣкотораго молчанія). Прочь, прочь отсюда!... люди не должны видѣть этихъ послѣднихъ, священныхъ слезъ!... Долгъ зоветъ меня, онъ подкрѣпите и поддержите меня!... О Генрихъ! любишь тебя— было моею жизнію, потерять—смертію; но спасти тебя, возвратитъ къ счастью, сохранить для жены и дѣтей твоихъ.... О! это будетъ для меня блаженствомъ, радостью воскресенія! (Поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Кабинетъ Генриха.

Генрихъ (входитъ задумчивый, съ письмомъ въ рукѣ).

Германъ женится, и та, которая когда-то была такъ близка мнѣ, которая любила меня, какъ могутъ любить одні ангелы — будетъ принадлежать другому!... Да исполнятся судьбы Предвѣчнаго!... (развертываетъ письмо и читаетъ) «Я увидѣлъ Марію въ первый разъ у окна маленькаго, скромнаго домика; я старался сдѣлаться ей пзвѣстнымъ; старался встрѣтиться съ нею въ домахъ, гдѣ она давала уроки, и гдѣ я былъ знакомъ. Сладостный звукъ ея голоса, ея кротость, необыкновенная, очаровательная прелесть, которая дышитъ во всѣхъ чертахъ ея!» Онъ правъ; неужели всѣ эти совершенства должны были увянуть неосчастлививъ никого, кромѣ меня, и я самъ могъ отказаться отъ нихъ! Германъ, единственный, несравненный другъ мой, само Провидѣніе вело тебя къ счастью!.. (продолжаетъ читать) «Все это плѣнило меня, и я началъ искать руки ея; дол-

го колебалась она, прежде чѣмъ рѣшилась... Долго!... Сердце, сердце!... Зачѣмъ замираешь ты опять въ груди моей!... Но нѣтъ, все миновалось!... Живите счастливо, счастливыѣ чѣмъ вашъ бѣдный другъ!.. Милый, добрый Германъ, насладись въ полной мѣрѣ блаженствомъ, которое ожидаетъ тебя; а ты, Марія, забудь былое, забудь виновую, за которую япоплачиваюсь такъ дорого. Нить, связавшая судьбу твою съ моею, теперь разорвана, и новая будущность, новая жизнь открывается предъ тобою... Пусть эта будущность превратитъ горькія слезы скорби въ драгоценныя перлы воспоминанія, пусть эта новая жизнь принесетъ тебѣ всѣ радости, всѣ блага, которыхъ ты такъ достойна!... Да, Марія, изъ глубины души моей взываю къ тебѣ... Живи счастливо, счастливыѣ, чѣмъ я!... (у дверей стучатся).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Шульцъ и Генрихъ.

Шульцъ.

Добрый вечеръ, Г. Ассессоръ!.. Васъ давно уже не видать въ канцеляріи?

Генрихъ.

Здравствуйте, любезный Шульцъ; что скажете?..

Шульцъ (подаетъ ему письмо).

Ничего особеннаго; я принесъ вамъ письмо.

Генрихъ (беретъ письмо и не распечатавъ кладетъ на столъ).

Шульцъ.

Вы вѣрно были нездоровы, Г. Ассессоръ?

Генрихъ.

Да, я чувствую себя не совсѣмъ хо-рошо.

Шульцъ (тайно).

А сказать между нами, теперь именно вамъ не надобно было бы оставаться дома.

Генрихъ.

Какъ такъ?

Шульцъ.

Не могу сказать вамъ навѣрное, что такое; но у насъ въ канцеляріи что-то не ловко, ищутъ какихъ-то бумагъ и поговариваютъ, что въ счетахъ есть какая-то невѣрность.

Генрихъ.

Это вѣрно относится не ко мнѣ.

Шульцъ.

Не знаю; однако же долженъ сказать вамъ, что Совѣтникъ Ланге раза два входилъ въ ваше отдѣленіе, и такъ какъ у васъ всѣ ящики не закрыты, онъ рылся въ вашихъ бумагахъ вмѣстѣ съ Г. Ассессоромъ Вольфомъ, у котораго при этомъ было такое лице, такое лице, что...

Генрихъ.

Ассессоръ Вольфъ?...

Шульцъ.

Да... Сегодня, бывши въ Регистратурѣ, я вытерпѣлъ настоящую муку... Недостаетъ важныхъ актовъ: пѣкорныя подписи оказались невѣрными; сиротская касса...

Генрихъ.

Пусть только разсмотрятъ хорошенько, у меня все въ должномъ порядкѣ...

Шульцъ.

Дай-то Богъ!.. Ну, прошайте, Г. Ассессоръ!.. Прощайте!..

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Генрихъ, потомъ Конрадъ.

Генрихъ (беретъ письмо и распечатываетъ читаетъ).

Да, вотъ кругъ, въ которомъ бы я долженъ былъ дѣйствовать!.. И такъ, мои слабые ученые труды обратили наконецъ на себя вниманіе... Мнѣ предлагаютъ кафедру, и гдѣ же?.. въ одномъ изъ лучшихъ университетовъ Германіи... Съ какою ра-

достью принялъ бы я ее... но я прикованъ здѣсь... прикованъ навсегда!..

(Кладетъ письмо опять на столъ).

Конрадъ (вбѣгаетъ съ болзливимъ видомъ).

Г. Президентъ!..

Генрихъ.

Мой тестъ!..

Конрадъ.

Онъ, кажется, очень разсердеченъ... едва взглянулъ на дѣтей...

Генрихъ (рѣшительно).

Береги мнѣ ихъ... оставь насъ однихъ. (Конрадъ уходитъ, Генрихъ садится).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Президентъ и Генрихъ.

Президентъ (входитъ въ плацъ, останавливается на минуту по срединѣ сцены, и когда Генрихъ встаетъ, подходитъ къ нему ближе).

Такой-ли это прѣвѣтъ, какого я заслуживаю?

Генрихъ (дѣлаетъ движеніе рукою).

Президентъ.

Развѣ вы не знаете меня?

Генрихъ.

Вы Президентъ Баронъ Юрданъ.

Президентъ.

Я тотъ глупецъ, который нѣкогда бѣдному, страдствующему студенту, пришедшему въ домъ мой и осмѣлившемуся сказать, что онъ хочетъ жениться на дочери моей, вмѣсто того, чтобы подать милостыню, отдалъ не только дочь мою, но и мое имя... Я тотъ глупецъ, который расточалъ благодѣлія неблагодарному.

Генрихъ (спокойно).

У меня было имя прежде того, которое я получилъ отъ васъ.

Президентъ.

И была также прежде любовь къ другой женщиной, кромѣ моей дочери! Скажите мнѣ, въ какомъ мѣрѣ живете вы? Я долженъ слышать о васъ такія вещи, которыя нарушаютъ всѣ правила нравственности и всѣ приличія. Соответствуютъ ли ваши поступки обязанностямъ вашимъ и тому положенію, въ какомъ вы находитесь теперь? Что можетъ имѣть теперь общаго съ вами то, что было прежде и о чемъ вы никогда бы не должны были думать?

Генрихъ.

Вы, кажется, хотите присвоить себѣ право осуждать во мнѣ даже и тѣ чувства, которымъ было доступно мое сердце въ то время, когда я назывался еще не такъ, какъ теперь.

Президентъ.

Для чего осыпалъ я васъ богатствомъ? Если у васъ на совѣсти былъ какойнибудь проступокъ, какаянибудь прежняя связь, вы могли бы поступить какъ честный, благородный человѣкъ, и, соответственно званію вашему, выкупить благодарными прошедшіе грѣхи.

Генрихъ (спокойно)

Денгами еще не залечивали ранъ разтерзаннаго сердца, и золото еще никогда не осушало слезъ скорби!...

Президентъ.

Оставьте эти сантиментально-философскія выходки, которыя очень хороши въ книгахъ, но нигуда не годятся въ дѣйствительной жизни. Что у васъ съ моею дочерью? Объясните мнѣ ваши взаимныя отношенія, отвѣчайте какъ должно разсудительному человѣку.

Генрихъ.

Она оставила меня и дѣтей своихъ; она знаетъ, что въ моихъ отношеніяхъ съ Маріей нѣтъ и не было ничего преступнаго; она знаетъ, что характеръ этой дѣвушки слишкомъ благороденъ, а привя-

занность моя къ женѣ моей слишкомъ велика, и потому не должна была бы имѣть ни какихъ опасеній.

Президентъ.

Но прошедшее не должно существовать для васъ. Законы супружества, настоящія ваши обязанности повелѣваютъ вамъ это.

Генрихъ (съ усмѣшкой).

Прошедшее! Кто же можетъ уничтожить его?

Президентъ.

Я готовъ допустить, что неожиданное свиданіе съ женщиной, которую мы любили прежде, можетъ въ первую минуту заставить насъ забыть все; я готовъ даже пайти натуральнымъ, что взволнованные такою печальною встрѣчей, вы не имѣли твердости удалить изъ вашего дома эту дѣвушку; но глядя на васъ, вижу, что вы совершенно разстроены, что вы никогда не будете въ состояніи поддержать достоинство вашего новаго званія, и что дочь моя, оставшись съ такимъ сумасброднымъ мечтателемъ, какъ вы, должна будетъ обречь себя вѣчному несчастію.

Генрихъ (спокойно).

И эти опасенія раздѣляетъ съ вами Юлія?

Президентъ.

Нѣтъ, эти опасенія собственно мои: я знаю людей и свѣтъ; знаю какую жалкую будущность готовить вамъ судьба. Вы неглижируете вашими служебными обязанностями; вы наносите стыдъ моимъ и брата моего рекомендаціямъ.

Генрихъ (съ горячностью).

Г. Президентъ!

Президентъ.

Не думаете ли вы, что этотъ грозный видъ испугаетъ меня и заставитъ промолчать о томъ, что я хочу сказать вамъ? Я не сомнѣваюсь, что вы любите дочь мою; она также любитъ васъ; но эта лю-

бовъ не принесетъ вамъ счастья, если ваше поведеніе не будетъ соответствовать тѣмъ условіямъ, которыя я при обрученіи вашему подписаль вамъ.

Генрихъ (*съ большою горячностью и угрожающимъ тономъ*).

Прошу, умоляю васъ, не прикасайтесь къ этой рабѣ, не растравляйте ее.... Не повторяйте, что я не долженъ имѣть прошедшаго; не повторяйте этихъ ужасныхъ словъ, если не хотите довести меня до крайности....

Президентъ.

До крайности! Что вы разумѣете подъ этимъ?

Генрихъ (*стараясь воздержаться*).

Г. Президентъ, умоляю васъ, пощадите меня; я человекъ больной, растерзанный, несчастный!...

Президентъ.

До крайности!... Что это значитъ.... говорите!...

Генрихъ.

Оставьте меня!...

Президентъ.

Говорите; я хочу, чтобъ вы объяснили мнѣ!...

Генрихъ.

Вы хотите этого?... хорошо; слушайте же: Юлія покинула меня, будучи убѣждена въ сердцѣ своемъ въ моей невинности, и положила тѣмъ между нами страшную преграду; не я, а она первая отказалась отъ супружескаго крова, и приготовила мнѣ и себѣ ту жалкую будущность, о которой вы пророчили. Теперь настала минута, въ которую должна рѣшиться судьба моя. Юлія знаетъ, что я люблю ее; но я тогда только прошу ей тотъ шагъ, который она сдѣлала, покинувъ меня и дѣтей, когда она сама скажетъ, что будетъ любить меня, именно съ тѣмъ прошедшимъ, которое вы хотите умертвить

въ душѣ моей; если она будетъ любить меня такимъ, каковъ я есть, безъ пустого, хотя и громкаго титла дворянства, меня Генриха Вернера, какимъ я былъ и какимъ останусь навсегда!... Вы хотѣли, чтобъ я сказалъ вамъ все это.... вы сами принудили меня.... довольны ли вы?...

(Президентъ стоитъ молча, пораженный удивленіемъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Поллицейскій Коммиссаръ Денкеръ и два помощника его.

Денкеръ.

Прошу извинить меня, что я вошелъ безъ доклада. (*Показываетъ помощникамъ своимъ на письменный столъ*). Исполняйте свою обязанность.

Президентъ.

Что вамъ угодно?

Денкеръ.

Разныя упущенія и безпорядки по отдѣленію Г. Ассессора...

Президентъ.

Обыскъ!...

Денкеръ.

Намъ поручено только задержать бумаги Г. Юрдана. (*Подходитъ къ столу*).

Президентъ (*съ полголоса, обращаясь къ Генриху*).

Такъ вотъ до чего дожили вы, и вотъ какъ оправдали мое къ вамъ участіе!... (*Съ презрѣніемъ*). Я отказываюсь отъ васъ и предаю васъ судьбѣ вашей!

(*Уходитъ*).

Генрихъ.

Благодарю тебя, Боже Всевышній!... Ты разорвалъ завѣсу, скрывавшую отъ глазъ моихъ собственную силу мою!... Счастіе могло сдѣлать меня слабымъ.... Несчастіе укрѣпитъ меня и будетъ моихъ учителемъ!... Распались тяжкія оковы, и облегченная грудь вздымается свободно, какъ волны моря.... Вы ждете меня, господа?... Я слѣдую за вами.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Гостиная въ домѣ Министра Фонъ Йордана.

ЯВЛЕНІЕ I.

Президентъ, Ассессоръ Вольфъ.

Вольфъ.

И такъ, Г. Президентъ, я смѣю ласкать себя надеждой, что при случаѣ вы не забудете обо мнѣ....

Президентъ.

Вы можете быть въ этомъ увѣрены, Г. Ассессоръ; каждый начальникъ будетъ конечно радъ такому дѣятельному и усердному человѣку, какъ вы..

Вольфъ.

Я могу сказать только, что въ доброй волѣ и усердіи у меня нѣтъ недостатка....

Президентъ.

Положитесь на меня, Г. Вольфъ, и когда вздумаете просить перемѣщенія....

Вольфъ.

Здоровье мое требуетъ этого; да къ тому же я такъ люблю красивый Рейнъ....

Президентъ.

Это очень естественно: тамъ живешь прелестно; и такъ, общаю вамъ подумать о васъ при первой вакансіи... Часто ли вы посѣщаете домъ моего брата?...

Вольфъ.

Довольно часто, Г. Президентъ; Его Превосходительство удостоиваетъ меня особенной своей благосклонности.

ЯВЛЕНІЕ II.

Референдарій Фельсъ, Полицейскій Коммиссаръ Денкеръ и его помощники.

Фельсъ.

А! господинъ Вольфъ, вы здѣсь.... а мы вездѣ васъ ищемъ.

Вольфъ (*въ смущеніи*).

Меня?

Денкеръ (*къ Вольфу, въ полголоса*).

Присутствіе ваше, Г. Вольфъ, при разборѣ бумагъ Г. Йордана, совершенно необходимо.

Вольфъ.

Мое присутствіе?...

Фельсъ.

Да, любезный Вольфъ, говорятъ, что ключъ....

Вольфъ (*вздригнувъ*).

Что вы говорите, что вы разумѣете подъ этимъ?

Фельсъ.

Ахъ, Боже мой, чего же вы такъ испугались? Говорятъ, что ключъ къ загадкѣ этого страннаго дѣла, можетъ быть, найденъ только вами.

Вольфъ.

Да, да.... меня требуютъ какъ свидѣтеля....

Денкеръ.

Г. Ассессоръ! намъ нельзя медлить....

Вольфъ.

Какъ свидѣтель я... я... какъ свидѣтель....

Фельсъ.

Присутствіе ваше чрезвычайно важно....

Вольфъ.

Важно.... конечно.... однако жъ.... (къ Денкеру) отчего же вы такъ спѣшите, Г. Коммиссаръ?

Помощникъ коммиссара.

Мнѣ очень жаль, что я имѣю приказаніе проводить васъ.

Вольфъ.

Проводить меня?... это очень странно.... это вѣрно ошибка....

Фельсъ.

Слѣдственная Коммиссія разберетъ это.

Вольфъ (въ сильномъ смущеніи).

Я увѣренъ, что это ошибка.... недоразумѣніе.... И такъ, мы пойдемъ, Г. Денкеръ.... (Дрожащимъ голосомъ и совершенно растерявшись.) Какія у васъ прекрасныя дѣти, Г. Коммиссаръ.... Какъ онѣ мило играютъ въ песокъ.

Помощникъ.

Г. Ассессоръ, намъ пора....

Вольфъ.

Какъ вы торопитесь.... Какое у васъ тонкое сукно на фракъ.... вѣрно Англійское....

Фельсъ (въ сторону).

Какъ онъ дрожитъ.... презрѣнный негодяй!...

Вольфъ.

А вѣдь мы уже давно знакомы, Г. Коммиссаръ; мы часто ѣзжали вѣстѣ въ дилижансѣ въ Лейпцигъ....

Денкеръ.

Все это правда... однако же, намъ пора....

Вольфъ.

Сію минуту.... я готовъ.... иду... пойдемте....

Денкеръ.

Да, пойдете. (Всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Референдарій Фельсъ и Докторъ Фельсъ.

Докторъ Фельсъ.

Ну, Германъ, теперь всѣ твои желанія исполнились, и я былъ бы совершенно счастливъ, если бъ меня не заботило положеніе нашего бѣднаго Генриха. Ступай къ своей невѣстѣ, а я останусь здѣсь; мнѣ надобно поговорить съ Баронессою. (Показывая на правую сторону.) Кажется, комнаты ея тамъ.... Иди же....

Фельсъ.

Нѣтъ, ботюшка, не къ невѣстѣ моей, а въ канцелярію поспѣшу я теперь, чтобъ посмотреть, что дѣлается съ Генрихомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ ужасъ этого негодяя Вольфа, не страшусь уже за моего друга.... Счастливъ былъ бы я, если бъ могъ принести ему вѣсть, что онъ оправданъ.

Докторъ Фельсъ.

Ревностное участіе, принимаемое обою въ судьбѣ Генриха, должно подѣйствовать благопріятно на Марію....

Фельсъ.

Она сказала мнѣ сегодня: *вѣрность до гроба*, а я отвѣчалъ: *любовь до могилы*... Вы увидите, батюшка, мы будемъ самая счастливая пара. (Уходитъ.)

Докторъ Фельсъ (одинъ).

Не сомнѣваюсь въ этомъ. Она не первая, для которой время будетъ цѣлительнымъ бальзамомъ.... Къ тому же, мой Германъ славный малой, и вѣрно заставитъ полюбить себя. (Видитъ Президента, который выходитъ съ лѣвой стороны, вѣстѣ съ Иосифомъ.) Вотъ Президентъ, онъ, кажется, очень недовольнымъ... Странный человекъ!... онъ думаетъ, что людьми можно играть, какъ шашками, и давать имъ такое направленіе, какое пожелаешь... Подожду еще минуту здѣсь.... теперь мнѣ трудно будетъ пробраться къ жещѣ Ген-

риха. (*Отходитъ въ сторону, и скрывается въ комнату, которой дверь остается незатворенною.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Президентъ, Іосифъ, потомъ Юлія.

Президентъ (*съ озабоченнымъ видомъ*).

Скажи моей дочерп, чтобъ она сошла сюда хоть на одну минуту...

Іосифъ.

Я докладывалъ уже объ этомъ Баронессѣ... но она отозвалась нездоровьемъ.

Президентъ (*съ досадою*).

На одну только минуту, говорю я тебѣ. (*Іосифъ уходитъ.*) Она поступила противъ моей воли, принявъ отъ него письмо.... теперь заперлась у себя въ комнатѣ, и нѣтъ ни какого средства видѣть ее.... Я надѣюсь, что онъ не писалъ ей о тѣхъ смѣшныхъ условіяхъ, о которыхъ говорилъ мнѣ.... это было бы верхъ нелѣпости....

Докторъ Фельсъ (*показывается у двери*).

Какъ хорошо, что я случился здѣсь.... воспользуюсь этимъ....

ЯВЛЕНІЕ V.

Юлія и Президентъ.

Юлія.

Вы хотѣли меня видѣть, любезный батюшка?..

Президентъ.

Зачѣмъ это траурное платье?... Ты знаешь, что у брата большое собраніе, и я желаю, чтобъ ты также явилась тамъ....

Юлія.

Какъ можете вы требовать этого отъ меня, батюшка?

Президентъ.

Безъ всякихъ отговорокъ, сударыня!

Честь наша требуетъ, чтобъ мы, предъ лицомъ всего общества, показали, какъ мало дорожимъ человѣкомъ, отъ котораго освободить тебя разводъ....

Юлія (*со слезами склоняется на грудь его*).

Батюшка!

Президентъ.

Постигаю всѣ твои страданія, по гораздо лучше кончить все однимъ разомъ, чѣмъ дѣйствуя перѣшительно, обрѣчь себя на всегашнее горе.... Опъ писалъ къ тебѣ?... (*молчаніе*) Ты молчишь, Юлія?... Что съ тобою?..

Юлія.

Батюшка! я не могу разстаться съ дѣтьми моими!

Президентъ.

Дѣти останутся у насъ. Какое воспитаніе могъ бы опъ дать моимъ внукамъ.... Они послѣдуютъ за нами къ твоей матери....

Юлія.

Батюшка! умоляю васъ, не предавайтесь противъ него ожесточенію. Чувствую, что не умѣю оцѣнить его, что онъ искренно любитъ меня, и что мнѣ должно смириться предъ нимъ. Батюшка, пустите меня къ бѣдному, всѣми оставленному Генриху, пустите меня доказать ему, что я была достойна любви его!..

Президентъ (*съ изумленіемъ*).

Что я слышу?... Это ли голосъ разсудительной, умной моей дочери?

Юлія.

Это голосъ чувства, которое проснулось въ груди моей, это голосъ сердца, заглушающій все, кромѣ любви моей къ нему....

Президентъ (*холодно*).

Такъ дѣлай же что хочешь!

Юлія.

Батюшка! позвольте мнѣ принести ему эту жертву!

Президентъ.

Дѣлай что хочешь, но знай, что тебѣ предстоитъ выбирать между мною и имъ, и что возвратясь къ вему, ты положишь между нами вѣчную преграду. (Молчаніе.) Ты колеблешься!... Юлія!... останься вѣрна родителямъ твоимъ.... сбереги себя для дѣтей своихъ.... Неужели тебя не пугаетъ человекъ, который забылъ долгъ свой, могъ увлечься предметомъ первой своей страсти, и какое ручательство можешь ты видѣть въ будущемъ?...

Юлія (какъ бы восторженная внезапно мелькнувшею ей мыслью).

Батюшка, вы ошибаетесь; вы дурно судите о немъ. Марія только потому могла снова взволновать Генриха, что у него хотѣли отнять все минувшее... Если она, для спасенія его, для упроченія моей будущности, могла принести такую жертву, я не хочу уступить ей въ великодушій. Я жена его и должна слѣдовать влеченію моего сердца!... (Поспѣшно убѣгаетъ въ правую сторону.)

Президентъ (ходитъ въ волненіи по сценѣ. Къ Іосифу, который между тѣмъ вошелъ).

Сошелъ ли въ гостиную братъ мой?

Іосифъ.

Нѣтъ еще, Г. Баронъ, онъ работаетъ у себя въ кабинетѣ.

Президентъ.

Мнѣ надобно непременно переговорить съ нимъ. Приготовь все къ отъезду, и прикажи, чтобъ почтовые лошади были готовы рано утромъ. (Іосифъ уходитъ.) У меня хотятъ отнять все, хотятъ покрыть стыдомъ эти волосы, посѣдѣвшіе съ

честью. (Обращаясь въ ту сторону, куда ушла Юлія) Иди по избранному тобою пути, безразсудная молодость, иди, ни мои стоны, ни мои взоры, ни мое сердце не послѣдуютъ уже за тобою! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Генрихъ и докторъ Фельсъ входятъ вмѣстѣ.

Докторъ Фельсъ.

Генрихъ, едва только услышалъ я первыя слова, сказанныя ею отцу своему, какъ увидѣлъ уже, что она принадлежитъ тебѣ и останется твоею навсегда. Не теряя ни минуты, послалъ я за тобою.... Какъ я радъ, что ты послушался меня и пришелъ сюда; ты долженъ любить ее, да, Генрихъ, любить нѣжно, постоянно, потому что она, я самъ это слышалъ, готова раздѣлить съ тобою все, каково бы ни было твое положеніе.

Генрихъ (съ недоверчивостью).

А если вы ошиблись, докторъ?

Докторъ Фельсъ.

Нѣтъ, Генрихъ, нѣтъ; она твоя, говорю я тебѣ, хотя бы ты удалился въ дикую пустыню.... При первомъ взглядѣ на нее видѣлъ я уже, что она останется побѣдительницею... .

(Юлія выходитъ изъ своей комнаты въ шляпкѣ и мантильѣ, и спѣшитъ къ средней двери.)

Генрихъ.

Юлія!

Юлія (увидѣвъ его, бросается къ нему въ объятія).

Генрихъ!... (Молчаніе.) Только здѣсь, на твоей груди найду я покойствіе!

Генрихъ.

Какъ бьется твое сердце, Юлія; какъ ты трепещешь.... Юлія, добрый, вѣрный другъ мой!....

Юлія (*сильно расстроенная, не можетъ нѣсколько времени говорить отъ душевнаго волненія, наконецъ восклицаетъ*).

Я могу только плакать!

Генрихъ.

Юлія, моя ли ты?

Юлія.

Твоя, Генрихъ, твоя на вѣки!... Ты опять мой, я купила тебя дорогою цѣною; я отказалась для тебя отъ любви родительской!...

Генрихъ.

Юлія, вѣрь мнѣ, буря пролетѣвшая теперь надъ нами, очиститъ горизонтъ нашей будущности, пройдутъ годы, и то что теперь, казалось, должно было разлучить насъ, послужитъ только къ скрѣпленію нашего союза.

Докторъ.

Нѣтъ, дѣти мои, не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ буря эта благодѣтельна... Повѣрьте мнѣ, любезная Баронесса, не одни тѣ мужья могутъ назваться прекрасными, которые пугаются всего, что осудилъ бы свѣтъ... Теперь спасеніе ваше упрочено— и ни какое облако не помрачитъ его!...

Президентъ (*выходитъ, и увидя эту группу, останавливается въ нерешимости; потомъ приближается къ Генриху*).

Вамъ, кажется уже извѣстно?...

Генрихъ.

Что я совершенно оправданъ слѣдствіемъ....

Президентъ.

Но можетъ быть, для васъ будетъ новостью, что Ассессоръ Вольфъ былъ причиною всей суматохи. Мнѣ пишетъ объ этомъ директоръ вашего департамента. Вольфъ уличенъ не только какъ клевет-

никъ вашъ, но его обвиняютъ во многихъ другихъ важныхъ преступленіяхъ, которыя повлекутъ за собою примѣрное наказаніе. Между тѣмъ, чтобъ вознаградить васъ хотя нѣкоторымъ образомъ за сдѣланную вамъ несправедливость, вы будете отнынѣ числиться не Ассессоромъ, а Совѣтникомъ... Но это, кажется, мало радуетъ васъ, Юрдапъ?..

Генрихъ.

О, не называйте меня болѣе этимъ именемъ, котораго я не могу носить долѣе. Вы благородный, великодушный человекъ, которому я обязанъ великою благодарностью; но намѣреніе, принятое мною, непоколебимо....

Докторъ (*радостно*).

Генрихъ!... понимаю ли я тебя?

Генрихъ.

Я родился отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей не дворянскаго происхожденія. Попеченіемъ этого вѣрнаго, добраго друга, отца моего (*показывая на доктора*), обязанъ я воспитаніемъ, которое позволило мнѣ, не прибѣгая къ чужому покровительству, пробить самому себѣ дорогу... Но что же сдѣлалъ я?... Я оскорбилъ, встревожилъ прахъ родителей моихъ, отказавшись отъ ихъ имени, принявъ чужое; ослѣпленный минутою суетностію, я желалъ дворянства, знатности, забывъ, что судьба каждому изъ людей назначила мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ этомъ мірѣ.... Теперь повязка, помрачавшая глаза мои, спала, и свѣтъ истинны озарилъ меня.... Мнѣ предлагаютъ профессорскую кафедру въ одномъ изъ пререйнскихъ университетовъ.... Вотъ, вотъ поприще, на котѣромъ хочу дѣйствовать отнынѣ!... Посвятить жизнь мою образованію юношества; содѣйствовать къ приготовленію на службу отечества вѣрныхъ, просвѣщенныхъ сыновъ; сохранить и въ старости, среди юношей, юность сердца, вотъ цѣль, которую я назначилъ себѣ. И такъ, обращаюсь къ тебѣ, Юлія, и спрашиваю, хочешь ли ты вновь пере-

родившемуся Генриху Вернеру подтвердить клятву въ вѣрности и любви, хочешь ли слѣдовать за нимъ, какъ другъ и жена, по дорогѣ, вновь имъ избранной?..

Юлія (*бросается къ нему на грудь*).

Всюду, всюду, куда ты захочешь — я твоя до могилы!...

Президентъ.

Ваша рѣшимость, Вернеръ, тягостна, прискорбна для меня, но если она нужна для вашего счастья, то я не противлюсь

ей, и молю Богу, чтобъ онъ благословилъ васъ...

Генрихъ (*къ Юліи*).

Если ты была *не* первою моею любовью, то будешь *последнею*, и огонь любви этой, чистой и вѣрной, никогда не погаснетъ на алтарѣ моего сердца. — Въ груди тысячи людей нашего вѣка кипитъ тайно борьба законовъ сердца съ законами свѣта; благо тому, кто, подобно мнѣ, можетъ прекратить ее, опираясь на руку друга-жены!

